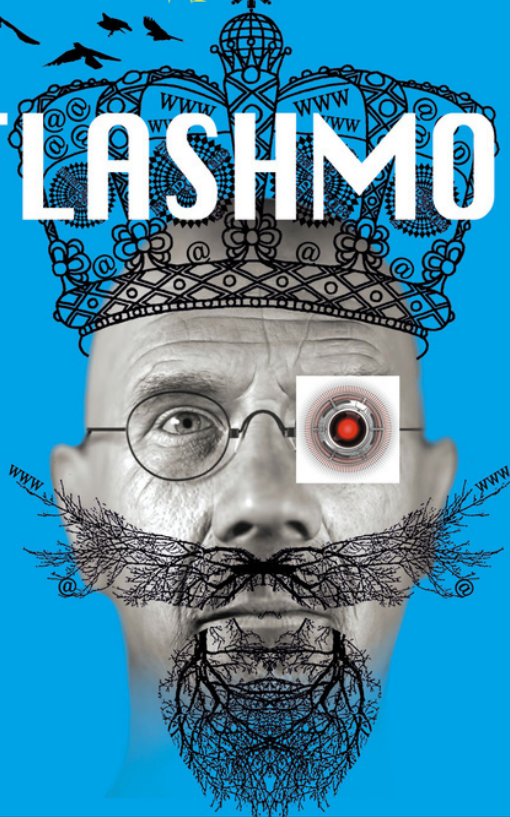

Александр Житинский

FLASHMOV

Государь всея Сети

Александр Николаевич Житинский

Flashmob! Государь всея Сети

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170920
Flashmob! Государь всея Сети: Яуза, Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-22329-9

Аннотация

В новом романе Александра Житинского реальные события переплетены с виртуальными, происходящими в сети интернет, и с чудесами, происходящими в реальности.

Дон – физик, доктор наук, регистрируется на досуге в «Живом Журнале» и начинает экспериментировать с информационным пространством. Стихийно создав он-лайн акцию, он понимает, какой инструмент влияния попал в его руки. Постепенно начинают происходить странные флэш-мобы, сотрясающие не только интернет, где они зарождаются, но и порядок в стране.

Содержание

Предисловие издателя	4
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Александр Житинский

Flashmob! Государь всея Сети

Предисловие издателя

Почта принесла бандероль, а в ней – тщательно упакованный CD-диск. На диске имелось всего два файла. К диску была приложена записка.

«Уважаемый Массолит!

Посылаю файлы, которые могут Вас заинтересовать как материал для романа. Это приватный онлайн-дневник одного малоизвестного юзера и его же записки.

Согласие на публикацию имеется.

П.»

Конечно, мне пришлось проверить последнее утверждение, что я сделал не без труда. Но главное не в этом. Я не пишу чужих романов, то есть тех, которые не прожил сам. Потому что романы не выдумываются, а проживаются, о чем сейчас практически забыто.

Тем не менее, материал действительно любопытен, поэтому я публикую его таким, как получил, не изменив ни буквы и снабдив лишь немногочисленными примечаниями для

читателей, не близких к Интернету и Живому Журналу.

А. Ж.

Часть первая

Внутри «Периметра»

donnickoff

8 февраля 20... года.

Вот и приплыли. Кажется, это будет последняя гавань. Впрочем, здесь есть всё, о чем можно мечтать. Из окна второго этажа виден заснеженный сад, вчера опять навалило снега; справа свежий сруб бани, а чуть дальше за оградой – дача адмирала М. Окна в виде иллюминаторов, на портике мозаикой выложен андреевский стяг. Да-с, на портике, поскольку колонны наличествуют. Адмирал дослуживает последний год. Чувствую, мы с ним будем ещё на старости лет пить коньяк у камина и играть в преферанс с «болваном». Но пока его нет, там сидит, вероятно, такой же сторож, как и я. Какой-нибудь старшина сверхсрочной службы. Отличие в том, что я буду сторожить дачу собственного сына.

Егор привёз меня сюда вчера вечером. Точнее, он лидировал на своем «лендровере», а я поспешал сзади на моем стареньком «форде». Джип был забит снизу доверху всем, что необходимо для выживания в дачном посёлке зимой. Сын отправил меня на пенсию. На чёрта тебе тянуть ещё четыре

года, сказал он. Сиди в моём коттедже, наслаждайся покоем. Тем более, он тебе сейчас необходим. Это намёк на мои грехи.

Я раздумывал недолго. Удалиться с глаз людских для меня сейчас самое лучшее. Да и я тоже видеть никого не желаю. Коттедж кирпичный, двухэтажный. Газовое отопление. Тёплый гараж. Телефон, телевизионная тарелка и компьютер с Интернетом. Холодильник забит продуктами. Их будет пополнять раз в неделю мальчик Сережа, менеджер Егоровой фирмы, по моему звонку. Такой вот стол заказов. Со мною приехала кошка Дуся, необычайно голубой окраски и, должно быть, голубых кровей. Ведёт себя дерзко и независимо. Мы с нею ещё не вступили в контакт, хотя я пытаюсь ее кормить. Но ест она только, когда меня нет вблизи. Это семейная кошка Егора. Сын уезжает в Штаты на неопределенный срок вместе с семьёй. Дуся остается со мною. Я остаюсь с Дусей. Тоже на неопределенный срок.

Поселок охраняется милицией. Сегодня приходил один, в шапке, румяный и почтительный. Олигархи их выдрессировали. Чего изволите-с. В поселке 27 коттеджей, один другого краше. Мой – Девятнадцатый.

Когда Егор уезжал сегодня утром, он сказал:

– Я завёл тебе в Сети виртуальное жильё. Посмотришь потом. Инструкции на десктопе.

– Что за жильё? – не понял я.

– Ну так. Игрушка. Модная игрушка для молодежи.

– Спасибо, – сказал я. – Ты мне льстишь.

– Будешь писать, если захочешь. Ну, а я буду поглядывать оттуда.

Он имел в виду этот Живой Журнал*, сокращенно ЖЖ. Никнейм и пароль я прочёл в инструкции. Егор не стал мудрить – дневник носит нашу фамилию. Однако, фотографию я повесил сам. Они называют это юзерпиком. Это не моя фотография, это мой дед. Говорят, я похож на него, но у меня нет бороды и усов и я значительно старше. Полдня знакомился с правилами. Интернетом я пользуюсь уже давно, чисто профессионально. Так что никаких проблем не возникло.

donnickoff

11 февраля 20... года.

Третий день брожу по Живому Журналу, знакомлюсь с народом, наблюдаю нравы. То есть, знакомлюсь односторонне, сам себя не обнаруживая.

Зачем это мне? Посмотрим. Видимо, чтобы усугубить одиночество. Мое одиночество будет двойным: реальным и виртуальным, ибо заводить себе друзей в этом виртуальном детском саду мне, наверное, поздно. А уж позволять читать мои личные записи незнакомым людям – попросту дико. Поэтому извини, Егор, я всё же сменю данный тобою пароль, чтобы иметь возможность писать сюда всё, что захочу, в приватном режиме. Включая самое сокровенное.

donnickoff

11 февраля 20... года.

Прописал сам себя в друзья. Это концептуально. Всё в жизни надо доводить до абсурда.

Теперь выбираю пароль. Всякие нечитаемые комбинации букв с цифрами я запомнить не могу, а записи теряю. Чаще всего я использую в качестве паролей женские имена, их мне легче вспомнить.

Конечно, я использую только любимые имена, то есть имена любимых женщин. И памятные даты.

Поступим и здесь так же. Разгадывать не советую, имён было немало. Но есть одно, которое до сих пор меня тревожит, ибо с ним связано нечто незавершённое, непрожитая жизнь...

Писать для себя можно и на бумаге. А если не хочешь, чтобы записи кто-нибудь прочёл, лучше их уничтожить потом. Зачем же тогда вообще их писать?

Таким образом я фиксирую своё жизненное пространство. Я формулирую своё бытие, вербализирую его, как говорят ныне. И потом, кто знает, вдруг потом мне – захочется раскрыть мои записи? Оставим эту возможность прозапас.

А теперь я исчезну для всех, кто когда-нибудь, быть может, даже случайно наткнётся на мой журнал.

Адъё, господа, как говорят французы!

donnickoff

12 февраля 20... года.

Сегодня опять приходил мент. Тот же мордастый и хитрый. Немного поговорили про погоду, я всё думал, зачем это он повадился, наконец он раскололся.

– Вопрос как будем решать основной? – говорит. – Вы же здесь постоянно? Один живете?

– Постоянно. А вопрос какой? Продукты мне из города будут возить.

– А не продукты? – смотрит масляно.

– Что именно? – я не врубился.

– Ну, вы ещё хоть куда мужик...

Я наконец понял, куда он клонит. Основной вопрос – основной инстинкт. Basic, так сказать.

– Приезжать будут? – спрашивает.

– Ну, как-нибудь разберёмся, – отвечаю.

– Как-нибудь здесь не разобраться. До ближайшей автобусной остановки час ходу. До магазина тоже.

– Ну так что?

– Можем помочь, – говорит. – У нас кадр проверенный.

– Один, что ли, кадр? – мне уже смешно стало.

– Почему один? Контингент.

Мент-сутенер – это прекрасно, господа. Хорошо живут олигархи в своих коттеджах. Короче, мы пока не сговори-

лись. Однако, basic есть basic. Мне, правда, месяц-другой не мешает отдохнуть от этого «бейсика».

Едва очухался от него.

Он у меня вот где сидит!

donnickoff

12 февраля 20... года.

Пишу приватно под новым паролем. Ощущение дикое. Когда забываю залогиниться, захожу к себе и испытываю мгновенный ужас от того, что моя запись исчезла! Потом залогиниваюсь и нахожу её. Чудны дела твои, Господи!

Не без труда растопил камин, пью виски с колой. Дуся злобно смотрит из угла. Не привыкла ещё.

Не отпускает меня моя история, ну никак не отпускает. Вот уж не думал, что заноза так глубока. Впрочем, четыре года – не шутка.

По экрану бегают футболисты, гоняют мяч. «Ювентус» – «Рома». У нас все дома.

donnickoff

13 февраля 20... года.

Я приезжал к ней утром на машине, иногда с цветами. Она открывала мне в махровом халате апельсинового цвета и ве-

ла по коридору коммунальной квартиры в свою комнату, которую она здесь снимала. За каждой дверью мне чудились уши. В комнате я сбрасывал с неё халатик, под которым ничего не было. Мы занимались любовью тихо, как партизаны в землянке. Потом я вёз ее на работу. Она работала в театральной кассе. Она была на тридцать с лишним лет младше меня. И золотой крестик прыгал у неё на груди, метался на золотой цепочке, когда она была надо мною в позе «наездницы», а я смотрел на него и удивлялся его присутствию. Надо было бы его снять... Но она не снимала. И оттого ощущение греховности происходящего было еще сильнее.

donnickoff

13 февраля 20... года.

Одиночество, как это прекрасно!

Я сижу у камина, вытянув ноги, положив их на специальный мягкий пуфик, рядом низкий столик, на котором коньяк, сигары и коробок с длинными толстыми спичками. Слава тебе, мой сын-олигарх! По телеку очередные бляди из MTV поют какую-то пошлятину, вертя попами. Типа «я тебя отпустила». Она отпустила! Да он сбежал от неё после первого совокупления, если в нём была хоть капля мозгов. Хотя совокупление, будем справедливы, кое-чего стоит.

«Как хорошо с приятелем вдвоём...». Без приятеля тоже прекрасно. Кажется, начинает отпускать. Боже, отпусти.

donnickoff

13 февраля 20... года.

Ветер поднимается. За окном непроглядная темень. Увя-
зая в снегу, спешат к сторожам проститутки ментовского
контингента, а сторожа и рады, они распахивают овчинные
полушубки и принимают красавиц на грудь, как стакан порт-
вейна, жарко дыша им в лицо сторожевым перегаром. Хоро-
шо, однако.

donnickoff

14 февраля 20... года.

Вчера так и не удалось достичь настоящей кондиции, хо-
тя последняя запись свидетельствует, что я был все же пьян.
Наблюдаю из окна второго этажа за здешней весьма неспеш-
ной жизнью. События происходят с частотою один раз в
два часа. Прошла женщина. Это, вероятно, тот самый кон-
тингент возвращается с работы. Два мужика пронесли что-
то на носилках, завернутое в белую простыню. Вероятно,
труп сторожа. Это, что ни говорите, обнадеживает. К вечеру
подросток в ушанке, страшно спеша и подскальзываясь, во-
лок куда-то гранатомёт «Муха» – я узнал его по описаниям.
Здесь веселое место.

donnickoff

14 февраля 20... года.

Дуся меня умиляет. В принципе, она знать меня не хочет. Подчеркивает это всем своим видом. Но если я не обращаю на нее внимания, она начинает показывать характер. То есть, я должен все время с нею соотноситься. Тогда она посылает меня на хер со всею любвеобильностью кошки. Если же я забываю о ней, она негодует. Ведет себя совершенно как женщина.

donnickoff

14 февраля 20... года.

Превед!

Я к вам пришел навеки поселиться (с).

donnickoff

Что за дела? Вы кто? Отвечайте!

donnickoff

15 февраля 20... года.

Вчера начались глюки. Ну, я выпил немного, но не настолько, чтобы употребить слово «превед». Терпеть не могу этого местного аргю. И уж совсем не мог оставить самому себе комментарий.

Получается, что мой журнал взломан? Кому это надо? Никто не знает о моем дневнике, кроме Егора. Но после того, как я сменил пароль и оставил возможность комментировать записи только моим френдам, которых у меня нет, не считая меня самого, даже Егор не мог оставить этого комментария. Но кто? Тут же не водятся привидения?

donnickoff

Можете называть меня преведением.;)

donnickoff

Послушайте, кончайте эти шутки! Что вам от меня надо? Я сейчас же снова сменю пароль в таком – случае.

donnickoff

Гы... Сами сказали, что вам одиноко.

donnickoff

Но не настолько, чтобы впускать к себе в дом посторонних... Боже! Только сейчас дошло. Вы ведь, наверное, можете не только комментировать мои записи! Вы можете писать от моего имени! Так ли это?

donnickoff

15 февраля 20... года.

Алексей Данилович! Кончайте дергаться. Я могу делать в этом журнале все, что делаете вы. И пароль могу сменить, кстати. Но я этого не делаю и не сделаю, можете спать спокойно.

donnickoff

Вы знаете, как меня зовут?

donnickoff

Я все знаю.

donnickoff

Но кто же вы? Почему не хотите себя назвать?

donnickoff

Ваша совесть.;)

donnickoff

16 февраля 20... года.

Бывают странные поступки, иначе я не могу объяснить, почему вчера я не сменил пароль и не избавился от Преведения, назвавшегося моею совестью.

Хотя, если подумать, то я поступил вполне логично. с совестью шутки плохи. Совесть – это Бог, который сидит внутри. Напрасно нам твердили, что Его нет. Время от времени Он дает о себе знать.

Я не стал испытывать судьбу и смирился. Вероятно, не хотел давать Преведению шанса посмеяться надо мной. Как знать – сменишь пароль, а оно снова тут как тут? А это уже пахнет мистикой и всеми делами, в которые я как физик поверить не могу.

А в совесть могу поверить и нередко с нею беседую.

Беседы с совестью чаще всего напоминают уговоры. Она очень капризная особа – и то ей не этак, и это не так. Применяемые ею методы чаще всего описываются как «муки совести», но есть ещё упреки и уколы. Ни разу я не слышал о похвале совести или о каком-то призе, выданном ею. Максимально возможная благожелательность совести выражается в том, что она «спокойна».

Я видел людей со спокойной совестью. Чаще всего это были отъявленные мерзавцы.

donnickoff

16 февраля 20... года.

Сегодня от нечего делать опять бродил по ЖЖ. Я здесь один из самых старых. Но не самый, что меня обрадовало. Я вхожу в первую (последнюю) сотню. Но это не главное. Главное, это ошеломление от безусловно милого, но такого пустого стриптиза, которым здесь занимаются. Плюсы: искренность (когда она есть), минусы: совершенная необязательность этой искренности. «Я съела пирожок!» Она съела пирожок и об этом сообщает миру. Вкус этого пирожка путешествует по нашему воображению, но во рту сухо, и пирожок превращается в завистливое испускание слюны. Идем к холодильнику, едим котлету. Заведу Дусе Живой Журнал. Пусть ест на виду эти... китикэты.

donnickoff

16 февраля 20... года.

В конце концов, почему бы и нет? Со мною живет кошка Дуся. Пусть будет и привидение. Я покладист. Кроме того, иметь своим читателем привидение даже лестно.

Интересно, кто этот виртуальный персонаж? Мне представляется молодая девушка. Вероятно, именно так я вижу свою совесть. Кстати, слово это недаром женского рода.

donnickoff

17 февраля 20... года.

Потихоньку исследую коттедж. Задуман он сыном как постоянное место жительства, но это на перспективу. Когда дел будет поменьше или на заслуженном отдыхе. Пока же использовался как летняя дача, потому что дела и учеба моих внуков заставляли жить в городе.

Как и всегда, на дачу свозится лишнее барахло.

Среди этого барахла с удивлением и волнующим узнаванием нахожу какие-то семейные вещи, знакомые мне с детства. Они перешли к Сергею во время моих матримониальных метаний.

Среди них альбом фотографий, начинавшийся с портре-

тов бабушки и дедушки, с моим отцом в грудном возрасте, потом довоенные и военные снимки, наконец где-то в середине альбома начал мелькать мальчик, в котором я вынужден был узнать себя. В самом конце возник и мой годовалый сын, сидящий на горшке.

Тут были и какие-то совершенно ненужные, но, видимо, памятные вещи, вроде хромированного портсигара с барельефом овчарки, или значка ГТО («Готов к труду и обороне»). Нашел я там и простой медный крестик на цепочке. Его историю я знал.

Это был крестик бабушки, доставшийся ей от своей мамы, о которой я ничего не знаю, даже имени. История семьи прервалась у нас на деде и бабке. Дед был инженером на заводе, а мой отец, пройдя войну и вступив в партию, стал освобожденным партийным работником и дорос до второго секретаря райкома. Должность мелкая.

Конечно, в Бога он не верил, крестик, оставшийся от бабушки, прятал в столе, но все же не выбросил. Затем крестик достался мне, ибо такова была бабушкина воля, чтобы он переходил в семье по наследству. И вот теперь я его нашел в картонной коробке среди значков, старых авторучек, скрепок, каких-то ключиков.

Я стёр с него налет грязи и повесил на монитор моего компьютера.

donnickoff

19 февраля 20... года.

Здесь, в этом Богом забытом поселке, тем не менее, происходят невероятные события. Два дня мне было не до Интернета, потому что реальная жизнь оказалась интереснее. Я втянут в какой-то детектив с неочевидным финалом. Тот предмет на носилках, завернутый в простыню, что промелькнул в моей записи, действительно оказался трупом. А я думал, что пошутил. Причем, именно трупом сторожа из коттеджа № 13 (все же число несчастливое), принадлежащем одному из хозяев ликеро-водочного завода. Как удалось узнать, это был литературовед З., который писал здесь книгу о Блоке, одновременно прирабатывая сторожем. Было ему 42 года. Удалось же узнать это, поскольку ко мне опять приходили менты, на этот раз другие, и выясняли, не видел ли я чего подозрительного. Я честно рассказал о женщине, которая промелькнула под окном, о мужиках, тащивших носилки, а о подростке с гранатомётом умолчал, потому что это был явно неправдоподобный подросток, сведения о нем лишь запутали бы милицию.

В разговоре с ними я и узнал подробности. Литературовед был убит ножом в постели. Не гранатометом, что успокоило мою совесть. То есть, мое Преведение. Женщину я описал приблизительно. Высокая, в короткой шубке и длинной юб-

ке. Рыжая. Когда и как она пришла в поселок, я не заметил. Тоже своеобразное Преведение.

Девушка, вы бы назвались, что ли? Что же это я о Вас в среднем роде? Мою кошку я и то называю по имени. Кстати, Дуся вчера вечером неожиданно и дерзко вспрыгнула мне на колени, когда я сидел у камина в кресле, провела кончиком хвоста по моей щеке (довольно приятное ощущение) и тут же удалилась в кухню есть креветки. Я кормлю ее очищенными креветками. Подлизываюсь.

donnickoff

21 февраля 20... года.

Кажется, вместо того, чтобы предаваться рефлексии и размышлять о моей любимой высокотемпературной сверхпроводимости, придется участвовать в детективе. Если не хуже. Полчаса назад звонок в дверь. Открываю. На замерзшем ледяном крыльце, кутаясь в лисью шубку, стоит та самая рыжая девушка. Дрожит, зуб на зуб не попадает. Бледная, осунувшаяся, одни глаза.

– Можно к вам погреться? У вас из трубы дым.

Пустил, конечно, угостил чаем. Предложил выпить.

– Я вас видел третьего дня из окна, – говорю.

Она вздрогнула. У нее чуть рюмка с коньяком не выпала из рук.

– Так вы видели?

Ну да, говорю. И рассказываю, как приходили менты, и прочее. Без всякой задней мысли. Она побелела ещё сильнее, хотя это было невозможно. Махнула коньяк, заметалась по комнате. Длинная юбка мешала делать крупные шаги, разрез был мал. Она ее подоткнула слегка, чтобы лучше волноваться.

– Вы им все рассказали? Я погибла!

– А что случилось?

– Я не могу вам сказать. Но прошу вас, оставьте меня здесь на ночь. Я не могу сейчас уехать!

Уехать? На чем здесь уедешь? Автобусы уже не ходят в этот час в воскресенье. Правда, такую девушку менты могут и подвезти на своем «уазике».

– Пожалуйста, – пожал я плечами.

Хотя, что ни говорите, а перспектива переночевать в пустом доме с незнакомой девушкой всегда волнует. Выпил рюмку коньяка. А девушка, поблагодарив, ушла в ванную. Назвалась Анжелой. Врет, наверное. Сижу как дурак, жду. В голову лезут нехорошие и опасные мысли.

donnickoff

21 февраля 20... года.

Первое, что приходит в голову. Анжела замочила этого несчастного специалиста по Блоку. Недаром так испугалась ментов. А я оставляю ее на ночь. Где гарантии, что я не по-

следую за литературоведом и утром мой хладный труп не понесут два мужичка по снежной тропке, завернутым в простыню? Шутки шутками. Встревожен. А она там плещется. Кажется, успокоилась.

Преведение, где вы? Посоветуйте что-нибудь! Я нервничаю.

Преведение улетучилось. Наверное, у него доступ с работы. Совесть тоже молчит.

donnickoff

21 февраля 20... года.

Вот что мне удалось узнать. История загадочная. Эта моя Анжела действительно знает убитого литературоведа. Более того, она его аспирантка и любовница. Пишет что-то там про Мандельштама. Господи, сколько можно писать про Мандельштама? По её словам, она приехала сюда как бы на консультацию, но на самом деле для решительных разборок. Там у них как-то всё очень сложно, как я понял. На излёте. И обнаружила в коттедже открытую дверь и труп своего любовника в постели. Естественно, перепугалась, но сообразила, что подозрение может пасть на неё, тем более, такие запутанные отношения. В ужасе бежала и отсиживалась в чьей-то холодной бане, боясь идти назад. Потом окончательно замерзла и проголодалась, в результате попала ко мне. Приготовил ужин, накормил ее. Девице не позавидуешь. Но что с

нею делать?

Я постелил ей на втором этаже и проводил спать. Желания отрубить себе палец, как у отца Сергия, или что-нибудь более жизненно необходимое, у меня не возникло. Завтра нужно её как-то выпроводить, минуя КПП. Очень неприятно. Кто-то ведь его убил, если она не врёт? Зачем? Хотя по её виду можно понять, что ей трудно убить даже гусеницу. Она типичная филологиня. В голове одни буквы, которые даже в слова не собираются, не то что в понятия.

donnickoff

22 февраля 20... года.

Ну вот, кажется, удалось от неё избавиться. Но с приключениями. Часа в два ночи, я ещё не спал, но уже лежал на диване в каминном зале под одеялом, вдруг слышу шаги на лестнице. Лестница деревянная, скрипит. Та-ак, думаю. Входит Анжела в чёрных кружевных трусиках и моей футболке с надписью «Золотое кольцо России». Память о давней туристкой поездке. Ноги длинные. Сама трясётся и рыдает.

– Мне страшно! Я боюсь!

И – юрк ко мне под одеяло. Прижалась, голову на груди у меня спрятала. Дрожит всем телом. А диванчик, надо сказать, узенький. Лежим, едва не падаем. И я её совершенно автоматически уже поглаживаю, стараясь избегать интимных мест. Собственно, не лезу даже под «Золотое кольцо

России». Глажу сверху, типа успокаиваю. И она успокаивается потихоньку, что-то бормочет, начинает рассказывать... А я борюсь между жалостью к ней, вполне разумными соображениями о ненужности приключений и естественным инстинктом. Всё, что нужно, уже восстало, но я его усилием воли гашу и переключаю мысли на другое. И удалось.

Надо сказать, что она вела себя абсолютно непровокационно. То есть действительно искала успокоения и защиты. Потом повернулась ко мне спиной, и мы заснули, как ложки в буфете. Так меньше места используется. Утром достаточно естественно всё было. Кофе, необязательный разговор. О ночи ни слова. А потом я вывез ее на своем «форде» мимо КПП. Она пряталась на заднем сиденье, прикрытая моим полушубком. Проскочили, менты здесь не особо бдительные. Прощаясь, она меня поцеловала в щёку. Некоторое сожаление соперничает с гордостью. Такие ночи запоминаются больше, чем ночи любви. Наверное.

Преведение по-прежнему молчит. Обеспокоен.

donnickoff

Я же не мораль, а совесть. ;)

А посему завела себе свой журнальчик, исключительно для того, чтобы комментировать Ваши записи, уважаемый Алексей Данилович. Живите с Богом, не буду Вас мистифицировать. Только запишите меня во френды, чтобы иногда

слушать голос своей Совести aka pre_vedenie.

donnickoff

22 февраля 20... года.

Преведение, я Вас добавил во френды и продолжаю писать в режиме friends only. Видите, как я Вам доверяю!;) pre_vedenie
Thanks!;)

donnickoff

26 февраля 20... года.

Происшествие с Анжелой несколько выбило меня из колеи. Медленно возвращаюсь в свои берега, как река после разлива. Собираюсь с мыслями. Весною здесь почти не пахнет. Сегодня, правда, солнце ярче обычного, и с сосулек, нависающих над крыльцом, прыгивают капли. Десант маленьких прозрачных капель. Я выхожу к ним и курю. Решил не курить в доме, там так хорошо пахнет смолой. Вся внутренняя отделка из дерева.

Итак, у меня две задачи. Прийти в себя после неожиданного и обидного поворота личной жизни, о котором я уже начал рассказывать, и продолжить свою научную тему. Я бы сказал, пожизненную научную тему. Сколько я ею занима-

юсь? Да уже лет 15, с тех пор, как увидел сообщение Беднорца и Мюллера. Через год они получили за него Нобеля по физике. Компьютера и Интернета мне вполне хватит, я уже давно не экспериментатор, оборудование мне ни к чему. Насчет общения в ЖЖ пока не уверен – надо ли мне оно? Среда слишком непривычна, а я человек стеснительный.

В поселке не прекращается оживление, вызванное убийством несчастного З. Сегодня разъезжали две черные «Волги» с молодыми людьми внутри. И не выходит из памяти парень с гранатометом.

donnickoff

1 марта 20... года

Что же меня заело? То, что от меня ушла молодая возлюбленная? Этого можно было ожидать в любой момент. Вокруг так много привлекательных мачо, как теперь называют кобелей. Нет, сам факт не столь обиден. И я бы смирился, если бы уступил молодому привлекательному сопернику. Или богатому, на крайний случай.

Но всё случилось иначе.

Примерно год назад Алёна сказала, что познакомилась с неким художником в одной компании. Ему, мол, за пятьдесят, он пригласил ее в мастерскую посмотреть работы. Я пропустил это мимо ушей, настолько был в ней уверен. Она не красотка, весьма рассудительна, набожна, насколько может

быть набожной современная двадцатичетырехлетняя девушка, неэффектна, тиха. Ее уверенность в том, что наша связь порочна, была столь велика, что мне приходилось практически каждый раз завоевывать её снова. Возможно, это и держало меня рядом целых четыре года. Это была связь через её «не могу». Она «не могла» быть любовницей женатого мужчины. Это не редкость, кстати.

Через некоторое время она сообщила, что художник пригласил ее позировать.

– Алёна, ты сама не заметишь, как окажешься у него в постели, – сказал я.

– Что вы такое говорите? – обиделась она. – Он смотрит на меня как на модель. И все художники смотрят на натурщиц как на модели!

– Не знаю, – сказал я. – Никогда не был художником.

Она всегда называла меня на «вы». Даже в постели. Тем не менее, я стал ощущать признаки беспокойства и время от времени интересовался, как идут натурные дела. Чуть не сказал «съёмки». Художник тоже был женат, так что я был практически уверен, что Алёна не станет с ним спать, даже если он попытается ее склонить. Я-то знаю, какой кровью это мне доставалось! Летом она сообщила, что позирует «ню». Это меня взбесило, но я не подал виду. Невероятно, чтобы она разделась при постороннем! Её надо знать. Ей в монастыре место, а не на софе перед мольбертом в голом виде!

– Увидишь, он тебя трахнет! – грубо сказал я.

– Не все такие, как вы! – вспыхнула она.

Ну да. Я мужлан и кобель. Кто же ещё. Люблю ее четыре года непонятно за что. Но жениться? Вы с ума сошли. А ей нужно замуж, и с каждым годом это видится всё отчетливее. И всё же я был уверен в себе. А точнее, больше в ней. Очень специальная девушка.

donnickoff

5 марта 20... года

Я был совсем мал, чтобы оценить масштабы события, произошедшего в этот день почти шестьдесят лет назад. И через три года, когда состоялся XX съезд, я все ещё не понимал, какие перемены происходят в стране.

Мое понимание СССР началось с полета Гагарина. И хотя впоследствии я узнал и о ГУЛАГе, и о Сталине, и испытал на себе все прелести советского бюрократизма, ничто не смогло перевесить оптимизма и гордости за державу.

Всё плохое казалось временным, а хорошее – постоянным. Имманентно присущим державе и её строю, как выразились бы сейчас. Интересно, что уже следующие поколения, входившие в жизнь на рубеже 70–80-х годов, считали ровно наоборот. Из них и выросла та генерация отрицателей всего советского, которая первой дала дёру за рубеж, когда советское практические ушло в небытие.

Вопрос «Почему вы не уехали?» всегда казался мне ди-

ким. Правильным является лишь вопрос «Почему вы уехали?» Это всё равно, что спрашивать о причине здоровья. Оно не имеет причины, это естественное состояние. Причину имеет болезнь.

donnickoff

7 марта 20... года

Приступ мизантропии не проходит. Наверное, это связано с предстоящим Женским днем. Отчетливо представляю, как у нас в Долгопрудном на кафедре поздравляют женщин. Это происходит каждый год и каждый год одинаково. Женщин у нас немного, лаборантки, секретари, три-четыре ассистентки и одна доктор наук, Регина. Высидела свою диссертацию под руководством нашего завкафедрой. Сейчас уже все пьяны наверняка. В криогенной лаборатории танцы среди сосудов Дьюара. Регина любит выпить, любит также молодых ассистентов. Разговаривает с ними о Пелевине и условиях для получения green card. Все хотят свалить, перспектив никаких, фундаментальные науки никому не нужны. Но пока весело, на водку денег хватает. Возможно, обсуждают моё неожиданное увольнение. Хотя не думаю. Я мало кого интересую. Игорь С., мой соавтор в ряде работ, считающий, что Нобель у нас почти в кармане, в который раз объясняет молодежи суть наших экспериментов. Им неинтересно, но слушают. При слове «Нобель» с трудом сдерживают улыбки.

А может, уже поют. «О чем поют артисты джазовые?..» О том же, что и физики. О морозе, который не морозь меня.

Из сосудов Дьюара легкий дымок, внутри там очень сильный мороз. Сто сорок четыре по Кельвину. Но сорок градусов водки его легко компенсируют. Я провел в Долгопе тридцать лет и три года. Как Илья Муромец, прежде чем встать с печи и воевать половцев. Впрочем, не уверен, что он воевал именно их. Жизнь прошла мимо, господа присяжные, оставив легкий дымок из сосуда Дьюара.

В поселок на три выходных дня начинают приезжать хозяева. Кое-где светятся окна, но звуков не слышно. Пойду пройдусь.

donnickoff

8 марта 20... года

Прошелся по поселку. Везде гуляют, музыка, брызги шампанского. В такие дни особенно приятно чувствовать себя изгоем. «За прекрасных дам-м-м!» Ненавижу. Собственно, ненавижу себя. Почему я не богат, молод и предприимчив? Потому что я беден, стар и ленив. Но у меня есть сын, который прислал мне со Славой бутылку «Курвуазье», ее я сейчас допиваю у камина. Сын уже в Америке, но его внимание доходит до меня, как свет погасшей звезды. Поздравляю вас, милые дамы моего сердца! Заклинаю вас не тревожить моё сердце, там ничего уже нет, кроме ишемии. Не правда ли,

отрезвляет? Ишемия Га Ноцри. Кажется, я пьян.

Преведение, у меня никого не осталось в этом поселке, я жду вашего возвращения, чтобы продолжить тему запретной любви. Конституционные формы любви мне уже надоели. Интересно, что скажет на это моя совесть?

Дуся, солнышко, привыкает ко мне. Все чаще сидит у меня на коленях, но пока пытается сохранять независимость. Фыркает иногда. Судя по всему, ей не совсем нравятся мои манеры. Сейчас зажгу свечи и стану вспоминать о былом. Это так прекрасно и благородно – вспоминать о былом. Если оно есть.

donnickoff

8 марта 20... года

Мою жену, с которой я ещё не разведён, зовут Римма. Имя диктаторское. Я ее любил, безусловно, я любил ее двадцать лет назад, когда она по распределению пришла в нашу лабораторию и получила должность м. н. с. Я стал её начальником. Она измеряла термоэлектрические свойства соединений висмута, а я наводил на это теорию. Она отличалась высокой точностью, как физические приборы. Мне тогда это нравилось, поскольку я никогда не был похож ни на один физический прибор. О чём жалею. У неё профиль, как у Нефертити, а фас ещё лучше. Тогда я был эстетом. Характер, как нефрит, все остальное, как бусы из янтаря. Можно переби-

рать с удовольствием. Я влюбился, идиот. Моя первая жена, мать Егора, в то время как раз увлеклась аэробикой и пропадала в спортзалах, изгибая своё уже немолодое тело под звуки музыки. Короче, случился скандал. Но я не об этом. Я о том, что почему-то у каждого человека есть потребность влюбляться. Это меня поражает. Казалось бы, влюбись и живи под кайфом. Нет. Влюбленность проходит, овеществляется в браке или долгих отношениях, а потом и вовсе исчезает. Начинаются долгие выяснения или просто скука.

Римма не опускалась до выяснений, а скучать с нею было легко и приятно. Я скучал двадцать лет. Единственное увлечение моей жены – театр. Не считая анизотропных соединений висмута. Мы с нею не вылазили из «Современника» и «Таганки», причём мне, признаюсь, это было как-то не в жилу. Когда на сцене кричат, мне становится неприятно. И наш национальный гений тоже вызывал во мне лишь некоторое душевное неудобство. Ну, зачем так кричать и хрипеть? Все важные вещи можно произнести тихо.

Вот это увлечение жены и привело меня к театральной кассе на Тверской. Там сидела Алёна. Она продавала билеты.

donnickoff

8 марта 20... года

Курва-уа-зьё закончился! Дрова в камине догорели. Дуся ушла спать. Угли полыхают, полыхают воспоминания.

Я исправно покупал билеты. Я носил шоколадки Алене, чтобы билеты были получше. Потом я понял, что мне просто нравится дарить ей шоколадки, независимо от мест. Потом я стал присовокуплять цветочки. Потом мы пошли в кафе. Она была идейной продавщицей билетов. Она любила театр и хотела стать актрисой. Но её не приняли. Она была чиста, как непорочное зачатие. Цинизм? Да на её фоне любой мог выглядеть циником. Она была девственна. У нее никогда не было мужчины. Ничего, что я перевожу фразы с русского на русский? И я никогда бы не осмелился, если бы однажды в кафе, подняв на меня свои серые глаза, она совершенно простодушно не сказала бы мне: «Алексей Данилович, я вас люблю, вы знаете?». Тихо, покорно и, в общем, совершенно обыденно. Так произносят: «Закажите мне ещё чашечку кофе, пожалуйста».

Я заказал ей кофе.

donnickoff

9 марта 20... года

Я подбираюсь к стыдному, потерпите. Мы ходили в кафе и потихоньку подвигались к тому, чего не избежать. Иногда я с некоторым цинизмом задумывался о том, стоит ли мне лишать девственности это очаровательное существо, и всегда приходил к выводу: «Стоит». Параллельно шла какая-то жизнь, в которой случалась всякая дрянь. Однажды ко мне

в гости пришли мои более молодые друзья: две пары и девушка. Принесли вина, организовали праздник. Римма в это время уехала на международную конференцию по полупроводникам. Мы изрядно выпили, танцевали, пели, я положил глаз на молодую девицу и намекал ей, чтобы она осталась, но друзья её увели, хотя она, вроде, была не против. Оставшись один часа в три ночи, я стал листать рекламные газеты, впервые в жизни озаботившись приглашением платной девушки. Ушедшая девица здорово меня завела, кроме того, природное любопытство исследователя плюс водка сделали свое дело. Я дозвонился. Там сказали, что девушку привезут. И действительно, через полчаса в квартиру позвонили.

Первым вошел мужик, который тут же проверил все помещения, включая туалет и ванную, на предмет безопасности. Там никого не было, и он вручил мне девушку. Звали ее Наташа. Невыразительное, уставшее и, как тут же выяснилось, абсолютно голодное существо. Мужик оставил мне её на два часа и уехал, а я принялся её кормить. Она немного повеселела, принялась рассказывать свою жизнь с удручающими подробностями, я слушал внимательно. Собственно, на этом можно было и закончить, но мысль о заплаченных мужику деньгах, неприятно корбила мое пьяное сердце. И наконец я сказал: «Ну, всё же покажи, что умеешь». Она с готовностью кивнула, юркнула в душ и через пять минут вышла оттуда. Я не рискнул положить её на супружеское ложе, и мы занялись любовью на ковре. В процессе я поинтере-

совался, намерена ли она кончить, на что она простодушно заявила: «Со всеми кончать замудохаешься». В результате кончил лишь один партнер, но без всякого вдохновения. Через десять минут ее увезли. Утром мне было муторно. Всякий опыт дается с потерями чего-то очень существенного.

pre_vedenie

9 марта 20.... года

Я помню этот случай.

Вы тогда долго уговаривали меня сохранять спокойствие, быть равнодушной. Мол, ничего серьезного, это случается со всеми мужчинами. Но меня не беспокоила Ваша нравственность. Я ведь не мораль, повторяю. Я Ваша совесть.

Я же говорила Вам, что без любви нехорошо, некрасиво, гадко.

donnickoff

Ах, вы помните этот случай? Впрочем, почему я должен называть свою собственную совесть на «Вы»? Мы всегда были на «ты». Скажи-ка, по объявлению в какой газете я вызвал проститутку?

pre_vedenie

Проверяете? «Реклама-шанс».;)

А на ты со мною я переходить не советую. Учтите, что без меня вы всего лишь бессовестный человек. А со мной имеете шанс быть уважаемым господином.

donnickoff

Бред какой-то, ей-богу... Вы не можете этого знать! Вот не было печали.

donnickoff

10 марта 20... года

Преведение, давайте закончим эту затянувшуюся игру. Я благодарен вам за компанию, но дальше продолжать не намерен. Простите. Я взрослый человек, в конце концов. Почти пожилой.

pre_vedenie

Как скажете, Алексей Данилыч;) Если что, клик-ните.

donnickoff

12 марта 20... года

Боже, это не поселок олигархов, а криминальный вертеп! Вместо того, чтобы предаваться милым воспоминаниям и потягивать пиво, вынужден вступить в сложные неоднозначные отношения. Сначала с собственной совестью, теперь с девушкой.

Примерно два часа назад на пороге выросла Анжела. Вид

решительный, не допускающий мыслей об амурах.

– Вы мне нужны.

– М-мм... Я готов.

– Нужно спрятать у вас одну вещь. Вы позволите?

– Труп? – я пытаюсь шутить.

– Нет, гранатомёт, – без тени юмора.

После этих слов откуда-то сбоку возникает пацан с «мухой». Замерзший и нерешительный. В руках тот самый гранатомёт. На хера он им сдался? Выбросили бы давно, если он им мешает.

– Входите, – говорю я без всякого энтузиазма.

Ну вошли, засунули гранатомёт в кладовку. Пацан тут же испарился. Ангела сразу сменила имидж, как-то глубоко и вдумчиво на меня посмотрела. Я понял, что обречен.

– Кофе?

Ага, кофе, блин. И все остальное. Пока она ждёт кофе и заново растапливает камин, пишу сюда. В случае чего, вызывайте милицию, пропади она пропадом.

donnickoff

12 марта 20... года

Ей понравилось спать со мной, как в прошлый раз. Как ложки. Я ее обнимаю, более ничего. Странные сексуальные фантазии бывают у молодых дам. Когда она заснула, я освободил руки.

Теперь о главном. Я попросил её объяснить насчет гранатомёта. Она сказала, что коттедж, где был убит З. – абсолютно бандитский. После того, как убили сторожа, пацан вынес оттуда гранатомёт, даже не успев завернуть его в тряпку. Спрятал в собачьей будке. И вот сейчас...

– А ты? Какое ты имеешь отношение к этому гранатомёту? – вскричал я.

– Я должна поразить цель, – сказала она и уснула.

Как я люблю таких женщин...

donnickoff

13 марта 20... года

Я проснулся, а её нет. Спускаюсь на первый этаж и вижу следующую картину. На толстом ворсистом ковре перед пылающим камином сидит по-турецки Анжела в одних трусиках и увлеченно чистит гранатомёт. Выглядело это настолько эротично, что я не удержался. Любовь на ковре, когда партнёрша не выпускает из рук оружия, – это сильное впечатление. Потом она принялась за него снова.

– Куда ты собираешься стрелять? – лениво поинтересовался я, развалившись рядом.

– В истукана работы Церетели. На реке. Очень нужно попасть.

– А граната у тебя есть? – спросил я.

– Нет, гранаты у нас пока нет, – задумчиво ответила она. –

Собираем деньги.

Вот как. Следовательно, не террорист-одиночка, а некая организация, бедная к тому же. Я понимаю, если бы требовался самолет. Но граната – она ведь дешёвая, нет? Никогда не покупал гранат. Проблема меня заинтересовала, и я путем несложных расчетов быстро доказал Анжеле, что затея обречена на провал. Учитывая особенности конструкции истукана, можно было рассчитывать лишь на то, чтобы помять ему морду этой гранатой. Если попадёшь, конечно. Но уж никак не повалить или снести ему голову.

– Тут нужно что-то кумулятивное, – сказал я.

Она посмотрела на меня с безграничным уважением. Как и положено гуманитарию смотреть на физика. Но спросить не решилась. Зато тут же утянула меня в постель, желая доказать, что она тоже кое-что умеет. Доказала.

– Вряд ли вообще можно попасть в истукана из гранатомёта, – продолжал размышлять я за сигаретой. – Ты представляешь себе траекторию полета гранаты?

– Нет, – помотала она головой.

– Здесь нужен «Стингер» или «Игла».

У нее глаза загорелись.

– А что это такое?

Пришлось влезть в Интернет и показать ей «Иглу».

– Ой, бля... – только и сказала она, взглянув на фотографию.

donnickoff

14 марта 20... года

Я не могу всерьез поверить в существование тайной организации культ-террористов, которая ставит своею целью уничтожение произведений искусства, архитектуры и памятников, не отвечающих их представлениям о Прекрасном. На самом деле там не только эстетика. То есть, эстетика, замешанная на некоей национальной идее. Где они ее взяли? Убиенный литературовед, кажется, был их главным идеологом. А мне, как я понял, Анжела уготовила роль Кибальчича в организации «Народная воля». У них туго с представителями точных наук. Все это было бы бредом, если бы я не рассказал ей об «Игле».

Анжела пришла в восторг и не уставая расспрашивала меня об этом блестящем оружии. Короче, она уехала с мыслью об «Игле», несмотря на то, что я категорически не рекомендовал ей стрелять из ПЗРК по памятникам. Уж лучше из ПТУРСа. Так называют Противотанковый управляемый ракетный снаряд. Чисто технически это может удасться. А о моральной стороне не мне судить.

За Анжелой на следующий день приехал какой-то тип на «девятке». Звали его Антон. Я его толком не разглядел. Он так и не вышел из машины. Вообще, от всего этого у меня беспокойно на душе. Я рассчитывал на отдых и медитатив-

ные воспоминания. Как только приду в себя, я их продолжу.

donnickoff

14 марта 20... года

Боже, что она несла! У них тайный список лиц, подлежащих суду за осквернение культуры. Я там почти никого не знаю. Кто такие Кулик, Могутин, Фельдман? Ну, о Сорокине или Ксении Собчак я слышал. Безумцы, безумцы!

donnickoff

16 марта 20... года

Сегодня выбрался из заточения, чтобы посетить свою квартиру в Москве. Давненько там не был. Снова погрузился в своё недавнее прошлое.

У меня однокомнатная квартира у самой МКАД. Из окна восьмого этажа видны московские высотки, в лифте нарисован большой член с яйцами и написано: «Отсоси, пидор!» Впрочем, пидоров в подъезде нет, по моим наблюдениям. Они кучкуются внутри Садового кольца. В нашем доме живёт пролетариат и выходцы с Юга.

Я ненавижу этот подъезд, его лестничные площадки, расписанные отвратительными ругательствами, его замызганные стены, его запахи, его тени, его фантомы. Нельзя жить

в этих стенах. Проходить сквозь них в свою квартиру – это каждый Божий день испытывать унижение. Почему сломана ручка? Кому она мешала? Почему куском голубой пластмассы забита дыра в стене? Так лучше? Почему у них нет чувства красоты? Почему ни у кого из них нет чувства красоты? МКАД. Ага, МКАД. Убил бы, если б мог. Хотя МХАТ меня не раздражает.

Как всегда, выпил вечером на кухне в полном одиночестве и долго курил в лоджии, глядя на огни Москвы.

Проснулся утром с похмелья и медленно пошел по тропинке в прошлое, вглядываясь в местность и ища тот незаметный поворот, ту развилку, которую проскочил, спеша за горящим хвостом ускользящего счастья, да и потерял его из виду. А дальше пошел уже наощупь, пока не попал в темную каморку, чтобы слушать по ночам рев летящих по кольцу грузовиков. Удивительно быстро жизнь привела меня сюда и удивительно неотвратимо. То есть тот поворот был очень незаметен, буквально узкая тропка, заросшая травой и уходящая в чащу. Но она была, её не могло не быть, иначе обман.

На самом деле их было много, ветвящихся тропок, и ни одна из них с гарантией не приводила к счастью. Скорее всего, большинство упиралось в тупик. Но я до сих пор верю, что можно было найти нужный мне путь.

Надо собраться и посмотреть на то, что имеем. А имеем: – 56 лет, это достаточно много, но ещё не смертельно;

– никому не нужную в наше время и в нашей стране профессию физика-теоретика, вышедшего из экспериментатора. Таких настоящие теоретики не уважают. Времена Энрико Ферми давно прошли;

– крах личной жизни, не первый, но, возможно, последний;

– практически нищету, денег сверх оплаты на квартиру хватает на сигареты и очень скромное питание;

– одиночество, старательно культивируемое, но оттого не менее жуткое.

Хо-хо, да ты близок к нирване, приятель!

Не считая сына-полуолигрха, у которого ты всегда считал зазорным быть на содержании. Но вот и докатился.

Тогда попытаемся ответить на вопрос: зачем ты сидел здесь, в ста метрах от МКАД? Половина твоих однокурсников в Америке, часть в Израиле и Германии, остальные, кто не умер, занимаются бизнесом. Продают компьютеры, кофе или издают стикерсы. Что ты здесь высиживал? Свою смерть исключительно.

donnickoff

17 марта 20... года

Быт богатых людей состоит из огромного количества лейблов, которых я не знаю. Это не те бренды, которыми завалено рекламное телевидение. Богатые марки не рекламируют,

сведения о них передаются изустно или поступают клиенту лично в почтовый ящик в виде именного приглашения. Провинциальному актеру неловко в одежде английского лорда.

Но вот ПТУРС – это более знакомая вещь. Слышал я об этом ПТУРСе от одного военпреда на нашей кафедре. Но если честно, гораздо больше ПТУРСа меня интересует рыжая Анжела. Надеюсь, в её обществе я как-то скрашу неприятные и очень болезненные воспоминания о недавнем прошлом.

donnickoff

25 марта 20... года

Несколько недель, проведенных в разговорном Интернете, окончательно положили конец слову «конец». Теперь произнести его, не ощутив на мгновение второго смысла, – невозможно. Поэтому я начну с того, что произошло буквально сегодня. А сегодня я вернулся из Питера.

Преведение, Вы удивлены? Я не рассказывал Вам о причине моей поездки туда. Мне было, как бы это сказать, стыдно. Но, коли Вы моя совесть, так и быть...

Сейчас соберусь с мыслями.

donnickoff

25 марта 20... года

Боже, я не был в Питере целый год! Всего-то... Но за это время в моей жизни так много произошло.

Я вышел из поезда и пошел пешком по Невскому. Спешить мне было некуда, наша встреча была назначена на девять часов. Уже подходя к Аничкову мосту, вдруг ощутил свою нелепость на солнечном прохладном Невском проспекте. Пожилой, плохо одетый мужик, небритый с утра, слегка похмельный (в поезде вечером принял для храбрости сто пятьдесят граммов). Мне нужно было найти кафе «ДэФэ» на Караванной.

Подойдя, я вдруг увидел её в чистом огромном окне этого кафе. Увидел и узнал сразу, хотя мы никогда не встречались. Она сидела за столиком и курила. Юная, со светлыми прямыми волосами, одетая во что-то молодежно-спортивное – яркая куртка, джинсы, кроссовки. Она оглянулась и увидела меня. Только на долю секунды в глазах ее мелькнуло нечто вроде испуга, но я успел заметить. Она помахала мне рукой, мол, заходи. Я зашел в кафе и молча уселся за маленький круглый столик напротив неё.

– Ну, здравствуй... Вот ты какая, – сказал я.

Как я хотел быть небрежным, старый дурак, три недели подряд ломавший перед нею виртуальную комедию! Коме-

дия на глазах превращалась в драму.

– Ага, – сказала она. – Не узнал типа?

Ее зовут Свинка Зизи. Настоящее имя позвольте сохранить в тайне.

donnickoff

25 марта 20... года

А началось все с того, что месяц назад я поставил себе ICQ, или «аську», как её все тут называют. И стал обзаводиться корреспондентами. То есть, бродил по ЖЖ и выяснял, у кого в profile указан номер аськи. Естественно, юноши меня не интересовали, я нагло вторгался в контактный лист женщин и требовал авторизации. Некоторые сразу посылали. Но таких было немного.

Обычно обмена тремя-четырьмя репликами бывало достаточно, чтобы определить, стоит ли говорить дальше. Моё положение было предпочтительным. Я мог судить о юзерше, прочитав её ЖЖ, она же не имела никаких сведений обо мне, я не разглашал тайну своего журнала. Правда, и не врал про себя. Мой возраст я указал в аське при регистрации, остальная информация, возникавшая в разговоре, тоже была недалеко от истины.

Эти ночные беседы чаще всего касались записей моих собеседниц в ЖЖ. Мой интерес льстил им, они охотно отвечали на вопросы, умничали в меру своих способностей,

смеялись, выплескивая в аськино окошко стайки смайликов. Мною интересовались постольку-поскольку, им интересны были они сами – молодые, талантливые и красивые. Когда меня спрашивали, что я здесь делаю, я честно отвечал: ищу подругу жизни. Фонтан смайликов. И советы обратиться к сайтам знакомств. Я отвечал на это, что мне нужно заглянуть в душу, а не в лицо, а дневник предоставляет эту прекрасную возможность в отличие от идиотической информации о барышнях на сайтах знакомств. Не говоря о не менее идиотических фотографиях.

Здесь же зачастую вместо лица собеседницы я видел в ЖЖ собачек (одну с крылышками даже), кошечек или какую-то полную и загадочную абракадабру, что позволяло мне тренировать воображение.

Зизи была пятой или шестой юзершой, с которой я познакомился таким образом. Она не скрывала своего лица, понимая, что это было бы преступлением. Собственно, это меня и сгубило.

pre_vedenie

Сколько красивых слов. «Заглянуть в душу»... Вам захотелось молодой плоти, как выражается один ваш приятель, директор издательства.;

donnickoff

26 марта 20... года

...Итак, мы сидели в кафе и замещали виртуальные образы реальными. Конечно, я раньше видел ее фотографии. Она сама же мне их присылала, иногда ее лицо мелькало в фотографиях питерских молодежных тусовок. Хорош бы я был, если бы сорвался в Питер, ни разу не видев ту, с которой часами флиртовал в аське! И все равно – она была совсем не похожа на тот образ, который возник у меня в голове. Надо было привыкнуть. Нет, она не была хуже. Но она была другая.

Однако ее положение было гораздо серьезнее. Она не видела меня даже на фотографиях, довольствуясь портретом моего деда на юзерпике. Смелая девушка, не правда ли? Дед мой на фотографии выглядит импозантно, но я совсем не такой, к сожалению. У меня нет этой роскошной бороды, да и лет мне много больше, чем деду, когда он снимался. Положение нелепейшее. Зачем я приехал? Зачем я ей? Да и она... Ей нет двадцати. Меж нами океан времени почти в сорок лет. ещё вчера, прощаясь в аське перед моим отъездом на Ленинградский вокзал, мы нежно целовались на словах, одаривая друг друга смайликами и намеками на то, что нам предстоит... Да к черту намеки! За три недели мы успели дойти до самых интимных разговоров и ласк, мы обсуждали, кому что нравится в сексе, и я удивлялся ее опытности. Когда она успела? Впрочем, это время такое. Время раннего секса и позднего раскаяния.

– Как вы... – она осеклась. – Как ты доехал?

Ну да. Глядя в глаза незнакомому человеку, который годится ей почти в дедушки, нелегко сказать ему «ты».

– Ты разочарована?

– Ха! Почему ты решил? – она закурила.

– Я ничего не решил. Я так подумал.

Все рушилось с треском. Грубая реальность расплющивала хрупкие виртуальные грёзы. И поделом тебе, старому ослу, козлу и тупице! Однако Зизи, похоже, думала иначе.

– Поедем, – сказала она, поднимаясь.

Я последовал за ней. Ее автомобиль, новенькая серебристая «мазда», был припаркован неподалеку. Я уселся рядом с нею, невольно любуясь, как ловко и небрежно она приводит в движение японскую машину. Зизи вырулила на Невский, и мы помчались к шпилю Адмиралтейства, сиявшему вдали. Вот тут я и почувствовал, что дело происходит в зарубежном фильме на русском материале. «Положить руку ей на колено?» – мелькнула нелепая мысль. Ага, в самый раз!

– Куда мы едем? – спросил я, стараясь казаться небрежным.

– Трахаться, – сказала она деловито, не отрывая взгляд от дороги.

– О-о! Ты шутишь! – засмеялся я нервным смехом.

Но ведь ехал я сюда именно трахаться! Посмотрим правде в глаза.

donnickoff

26 марта 20... года

Короче, мы приехали на какой-то остров, там парк и ресторан, рядом с которым ловят рыбу. И тут же эту рыбу коптят. Мне захотелось есть. Вообще, состояние было близко к состоянию приговоренного к смертной казни. В момент, когда его подводят к эшафоту. Только я не знал, повесят или отрубят голову. Ни виселицы, ни гильотины не просматривалось. Но палач сидел рядом.

Зизи остановила машину в каких-то зарослях. Впрочем, листьев ещё нет, все просвечивает, солнышко светит, красота. Тут не трахаться надо, а тихо загорать, лелея в голове светлые мысли. Но она думала по-другому. Заглушила мотор и повернулась ко мне всем телом, о котором я мечтал в аске, но сейчас оно мне казалось излишним. Или сильно преувеличенным.

Не мечтайте в аске, господа! Когда-нибудь за это придется отвечать собственным членом.

Так вот, о члене. Он вел себя совершенно непредсказуемо. Как черепаха, втянувшая голову в панцирь. Очевидно, чувствовал опасность. По парку шлялись какие-то люди. Сейчас они придут сюда и будут толпиться рядом с «Маздой», заглядывая в окна и обсуждая перипетии.

– Ну? – сказала она с некоторым нетерпением.

Я протянул к ней неуверенную дрожащую руку и стал расстегивать пуговицы на кофточке.

— Это кнопки, — сказала она ледяным голосом.

Я рванул кофточку на себя, и кнопки расстегнулись со звуком пулеметной очереди. И сразу почувствовал, как ее рука расстегивает мне брюки, где практически ничего не было. Не стоило даже искать такую малость. Под кофточкой же, наоборот, оказалось юное тело с торчащими сосками, которые были наведены на меня, как дула двух пистолетов. В другую минуту головка моей черепашки выпрыгнула бы из панциря с криком «банзай», но сейчас она хмуро свернулась калачиком и делала вид, будто происходящее ее не касается. А меня касается, да?! Я припал пересохшими губами к одному из сосков, трогая его языком, как леденец. Зизи запрокинула голову и издала неясный звук, который при желании можно было истолковать, как звук страсти. Из-за ее плеча я зорко следил за гуляющими. Пока они не проявляли интереса, то есть вели себя точно так же, как мой бесценный прибор. Тут Зизи отшвырнула мою голову и упала своей головой мне на колени, пытаясь, должно быть, выкусить упрямую черепашку из ее панциря.

К машине приблизилась пожилая супружеская чета. Мою партнёршу они не видели, она лежала, уткнувшись носом у меня между ног, а видели мое искаженной гримасой лицо. Его было прекрасно видно в солнечном освещении сквозь лобовое стекло. Вероятно, на лице было написано столько

муки, что старички встревожились. Зизи в это время удалось титаническим усилием языка дотянуться до скрытого в темноте прибора. Он вздрогнул, но бежать дальше было некуда. Я махнул рукой на старичков: шагайте, мол, здесь ничего интересного! Да так оно и было.

– На заднее сиденье! Давай! – выдохнула она.

А как? Перелезть через спинки сидений? Выходить из машины в таком расхристанном виде?

– Давненько я не ловил рыбу... – попытался я перевести разговор на другую тему, видя, как на мостках удильщик забрасывает удочку. Она очумело уставилась на меня.

– Ты это или не ты?!

– Я-то я, – вздохнул я. – Но он не он...

...Мы кое-как застегиваемся и шмыгаем на заднее сиденье. Картинка со стороны: в «Мазде» одновременно распаиваются обе передние дверцы, и мужчина с девицей с разных сторон поспешно прыгают назад. Дверцы захлопываются.

Тут Зизи проявила недюжинную сноровку, скидывая с себя кроссовки и стягивая тугие джинсы. Я же, выгнувшись, как турецкий ятаган, стаскивал с себя брюки, проклиная в душе Интернет, аську, город Питер и себя, старого мудозвона. Самое интересное было в том, что птенец-черепашка, словно издеваясь надо мной, никак не желал пробуждаться. Через минуту мы были раздеты до пояса, только снизу, и можно было приступать к экзекуции.

Автомобиль «Мазда», если кто не знает, – не очень большая машина. Я предпочел бы для наших целей просторную «Газель». Желательно без окон. Здесь же в окнах были видны совершенно ненужные нам соглядатаи, которые, как бы скучая, начали приближаться к нам с разных сторон, привлеченные чем-то странным. Я бы сказал, запахом любви. Её эманацией. Невероятным усилием воли я переключил внимание на тот орган моего тела, от которого сейчас зависело всё: настроение, репутация, судьба. Моя партнерша тоже озаботилась этим и наконец – о боги! – черепашка проснулась, высунула головку из-под панциря и восстала, как поют в песнях, в полный рост. А потом стала двигать собой, поворачиваясь моей сумасшедшей партнерше, которая с лихостью ковбоя из вестерна, вспрыгнула на меня, обвила мою шею руками и, прикрыв глаза, поскакала в райский сад за наслаждениями.

Но она-то прикрыла глаза, а я нет. Потому зеваки, которые потихоньку превращались в болельщиков и даже фанов, приближаясь к нашим стеклам, действовали мне на нервы. И чего им надо? Не видели, что ли, никогда? И если у стайки молодежи происходящее вызывало лишь одобрительную ухмылку, то, конечно же, нашелся и ревнитель нравственности средних лет, который, вынув мобильник, что-то сообщил в него, скорбно поглядывая на нас.

– Зизи, сейчас приедут менты, – доложил я партнерше.

– Похую, – пробормотала она, болтаясь на мне, как попла-

вок на волнах.

Она успела кончить до приезда ментов и умчала меня из этого парка наслаждений прямо на Московский – вокзал.

Такие дела.

pre_vedenie

Разучиваю «Цыганские напевы» Сарасате. Давно к ним подбиралась, боязно. Скрипка – очень чувственный инструмент. Смычком надо ласкать струны, они живые... Вы никогда не были счастливы в любви.

donnickoff

Вы играете на скрипке?

pre_vedenie

Да. Мне грустно было слушать Ваш рассказ.

donnickoff

Почему я нисколько вас не стесняюсь?

pre_vedenie

Но я же Ваша совесть.

donnickoff

Как раз совести следует стесняться более всего. Кроме то-

го, моя совесть не играет на скрипке.

donnickoff

26 марта 20... года

Реванш?

Если реванш, то жалкий.

Скорее, *svinka_zizi* просто добавила меня в свою коллекцию в качестве экзотического, но совсем недорогого экспоната.

Как человек честный хотел было добавить Свинку во френды. Но зачем ей это надо? Увы, Свинка не узнает моих впечатлений от наших экспериментов в «мазде».

По-прежнему единственным моим конфиденнтом остается лишь моя Совесть, она же Преведение, играющее на скрипке.

pre_vedenie

Я Вас обманула. Я не играю на скрипке. Просто в тот момент мне захотелось, чтобы это было так. И вообще, не верьте виртуальным образам, особенно женским.;

donnickoff

27 марта 20... года

Ещё со школы ко мне пристала кличка Дон. Вполне есте-

ственная редукция моей фамилии. По молодости я был недурен собой, при этом в эдаком фатовато-романтическом варианте, что делало испанский титул оправданным.

Впоследствии к нему приклеивали разные имена и чаще всего, как вы догадываетесь, имя Хуан, которое на Руси почему-то превратилось в Жуана.

Я давал повод, не спору.

И в первом, и во втором браке я позволял себе так называемые «романы» – эпизодические влюбленности, иногда перетекавшие в более или менее длительные отношения, но чаще обрывавшиеся после двух-трех удачных любовных свиданий, то есть свиданий, где возлюбленная наконец отдавалась.

Предшествовавшие свидания, которых могло быть довольно много и в которых, честно говоря, состояло всё очарование влюбленности – заинтриговать, возбудить, покорить – отнюдь не были неудачными, наоборот, но результативными их назвать нельзя.

Дон Жуан – художник, находящий смысл в процессе. Результат его интересует лишь на миг, когда отодвинувшись от картины, он удовлетворенно кивает, испытывая гордость от удачно выполненной работы, и тут же душа его устремляется к новому замыслу.

Но что же картина?

Картина часто бросается вдогонку художнику, она бранится и машет руками, утирает слёзы платочком, иногда да-

же звонит жене художника, требуя объяснений. В чём? Удивительно ведут себя некоторые картины!

Донжуанство вовсе не предполагает любви до гроба, тем более супружества. Это искусство чистое, некоммерческое. Бриллиант может вспыхнуть на мгновение – так одну из самых пылких влюбленностей мне довелось пережить в самолете Москва-Париж с тридцатилетней француженкой, причем мы оба не могли объясняться словами, мы их не понимали, но прекрасно обходились без слов. Это было вдохновенно и романтично. О технических подробностях умолчу, они были менее романтичны, скорее, уморительны, но не менее прекрасны.

Сотворив такой бриллиант, оба партнера должны положить его в коробочку на бархатное ложе и навсегда спрятать в хранилище своей памяти, чтобы лишь изредка, под хорошее настроение и бокал вина вынуть оттуда и полюбоваться.

«Помню, был у меня роман с одной француженкой...»

И горе тому цинику, который посмеет сказать, что вы просто трахнули француженку в самолете, где для этого просто нет никаких условий. Горе ему. Потому что вы помните её лицо, вы помните огонь в своем сердце и безумные глаза стюардессы, которая наконец-то догадалась, что происходит на задних пустых креслах салона.

pre_vedenie

Вы и сейчас ещё дрожите от удовольствия, когда об этом вспоминаете.:P

donnickoff

А Вы никак ревнуете?

pre_vedenie

Я-аааа????????????

Самое отвратительное в Дон Жуанах – это их жуткое самодовольство.

donnickoff

Ну вот. Повздорил с совестью. Полный превед.

pre_vedenie

28 марта 20... года

Дорогой Алексей Данилович!

Так просто поругаться со мною не удастся. Хотя иногда хочется дать Вам по балде.

Не надо тут хорохориться и распускать хвост павлином. Я прекрасно знаю, какой Вы были красавец и каким вниманием дам пользовались. Но Вы же не дурак, право. Вы прекрасно понимаете, что внимание дам было обеспечено не Вашей «фатовато-романтической» внешностью, как Вы пишете, а Вашим умом, живостью характера, юмором, искренностью, а главное – Вашим делом жизни, Вашей физикой несчастной,

недоступной всем Вашим дамам!

Да-да, ею! Ибо мужик должен быть при деле, а не баб покрывать, извините. Это побочное следствие его интереса к делу.

Женщины Вас питали этой целеустремленностью, честолюбием, жаждой истины, простите за банальные слова. Вы ведь ни разу ради женщин не пропустили ни единого своего эксперимента, не отложили ни одну статью. Дон Жуан нашелся! Да Вы забывали о них, когда видели стрелки Ваших приборов, когда выписывали эти закорючки, называемые формулами!

Никогда не поверю, что Вам сейчас сладко на комфортабельной даче Вашего богатого сына. Вы бы сейчас были лауреатом Нобелевской премии, настолько близко подошли к решению проблемы высокотемпературной сверхпроводимости. Если бы не распад Союза и развал фундаментальной науки, Вы бы сделали это открытие.

И вместо этого – попивать виски у камина, е...ть девочек и предаваться воспоминаниям?

Это не Вы. Не верю.

Ваше Преведение.

donnickoff

Насчет Нобеля загнули. Хотя... если бы повезло. Как знать. Но вообще, учтите, я Вас держу в своем дневнике не

для того, чтобы выслушивать нотации.

pre_vedenie

Здрасьте! А для чего же?;Р

donnickoff

29 марта 20... года

Здорово она мне врезала. Хожу, курю.

donnickoff

31 марта 20... года

Приехала Анжела. Таким образом она решила отметить свой день рождения. Мне это польстило.

По правде говоря, я по ней уже соскучился. То есть, соскучился по женщине, если говорить правду.

Войдя ко мне наверх в кабинет, увидела включенный компьютер и на экране – ленту ЖЖ. Это был дневник некоего Мити О. Я часто его читаю, он очень смешной.

– О, ты читаешь Живой Журнал? – удивилась она.

– У меня и свой есть, – не удержался, похвастался я.

– Ух ты! Это же здорово!

– Почему?

– Потом, потом скажу! – она уже увлекала меня на тахту.

Где моя совесть? Я последовал за нею.

Ненужные детали я опускаю. Когда мы покончили с формальностями, она попросила меня показать мой ЖЖ.

– Там почти ничего нет. Я только читаю, – соврал я.

– Как жалко! – вырвалось у нее.

– Почему?

– Нас обезглавили. Нам нужен идейный руководитель, – сказала она.

Идейным руководителем был погибший литературовед З. Почему Анжела решила, что я могу занять его место, я не знаю, но все же поинтересовался основными принципами движения.

Как выяснилось, это было нечто среднее между масонской ложей и пионерской организацией. З. создал ее с полгода назад, выступив в своем ЖЖ с манифестом в защиту русской культуры. Я его потом прочёл. В нем он обозначил два равночуждых русской культуре крыла – модернизм, включая постмодернизм, и официальный китч, включая рекламу и гламур. Собственно, после этого почти ничего от современной русской культуры не осталось. Даже старик Солженицын смотрелся уже, если не как гламур, то почти как китч. И литературовед предал всё это анафеме.

У него нашлись последователи и ученики, главным образом, из числа православной молодежи, и они создали тайную организацию «Звонница». Целью организации была пропаганда «истинно русской культуры» – это деятельность велась явно, а неявной, тайной деятельностью была борьба, точнее,

подготовка террористических культурных акций, вроде обстрела скульптуры Петра работы Церетели и даже расправы с некоторыми художниками и продюсерами.

– Не слабо, – сказал я.

– Но ведь надо же что-то делать! – воскликнула она.

– Во все времена разные школы и направления боролись, показывая свою работу, а не уничтожая работы оппонентов или их самих.

– Ну прямо во все времена!

– Почти во все, – согласился я. – Но мы же не будем возрождать мракобесие.

– Ага, любимое слово Фельдмана! – засмеялась она.

– Кто такой Фельдман? – спросил я.

Фельдман оказался преуспевающим продюсером и галеристом. Он потрясаяще чувствовал, что можно продать из современного искусства, в какую театральную постановку вложить деньги, какой фильм снять. Его знали на Западе, с его мнением считались. В его Живом Журнале насчитывалось более трех тысяч френдов.

– Тебе же не нравится «Черный квадрат» Малевича? – задала она контрольный вопрос.

«Черный квадрат» был лакмусовой бумажкой.

Я пожал плечами.

– Но он мне нисколько и не мешает.

– Да нам тоже бы не мешал, если бы из него не сделали фетиш. Ты почитай треды у Фельдмана. Там по триста ком-

ментов про квадрат и всякое другое.

– Почитаю, – пообещал я.

Она уехала, взяв с меня слово внимательнее ознакомиться с проблематикой «Звонницы». Что-то заученное было в её словах, она словно урок мне излагала. Нет, без сомнения, в постели она выражается гораздо лучше и свободнее.

donnickoff

2 апреля 20... года

Я стал ставить себе задачу.

В моем распоряжении есть некая информационная среда, или медиасреда, как теперь чаще говорят. Я рассматриваю ее как инструмент, но также как среду обитания. Каковы ее свойства?

Среда состоит из элементов, каждый из которых имеет свой заряд и вес, а также траекторию движения. Это очень напоминает элементарные частицы. Заряд частицы можно сопоставить с ее политической ориентацией, а массу с рейтингом ее в этом поле, то есть попросту с числом френдов. У меня пока был нулевой заряд и почти нулевая масса. А траектория моя едва вышла из начальной точки и лишь искала направление.

Сотни тысяч, миллионы юзеров в виде светящихся точек, шариков, звезд и планет закружились передо мною, как виртуальная Галактика. Юзеры сходились и расходились, притя-

гивались и отталкивались, сгущались вдруг в длинные хвосты тредов, хороводились и тусовались.

Это была огромная беспорядочно сплетенная сеть. Дернешь за один узелок – отзовется в другом. В этом облаке заключена была огромная энергия и мне предстояло овладеть ею.

Зачем?

Затем, чтобы применить к решению каких-то задач. Задачи эти могут быть разнообразны. Ну, например, знакомства. Это я уже пробовал. Отбор информации, завоевание популярности, покупка и продажа – все это могло осуществляться при помощи этого инструмента. И не только это. Революция. Разрешение глобальных конфликтов. Я чувствовал там скрытые возможности, как чувствовали термоядерную энергию в скоплениях частиц великие физики прошлого.

И они освободили ее.

donnickoff

4 апреля 20... года

Я принялся анализировать главные узлы сети Живого Журнала – его «тысячников», то есть юзеров, которых читали более тысячи других пользователей. «Тысячников» можно было разделить на несколько групп.

1. Интеллектуалы и поставщики информации.

Эта группа честно делилась своими знаниями и сведения-

ми из политики, литературы, науки, показывала фотографии и почти не претендовала на пропаганду политических идей.

2. Балагуры, рассказчики баек, трепачи, «приколисты». Сюда же примыкали и писатели, пишущие миниатюры – философические или юмористические, или то и другое вместе. Эти тоже были, как правило, политически неангажированы.

3. Идеологические вожди, вдохновители и организаторы. Эта группа явно хотела воздействовать на умы, боролась с противниками, иногда возникали чудовищные скандалы со взаимными оскорблениями и горами матерных слов, а последнее время наметились явные попытки перейти к акциям в офф-лайне, как называли здесь реальную жизнь. Мелькали объявления о собраниях, сходках, пикетах. Либералы и демократы, националисты, фашисты, консерваторы – все было равно неприятно, хотелось назвать их мужских представителей недоносками.

4. Люди, известные в офф-лайне. Их дневники, как правило, были малоинтересны, не говоря о том, что никогда не было уверенности, что это подлинный дневник, а не подделка. Однако, к ним тянулись из всегдашнего стремления побыть рядом со «звездой» или сообщить «звезде» какую-нибудь гадость.

Отдельную категорию «тысячников» составляли художники и фотографы, которые выставляли свои рисунки, обходясь почти без всяких слов, что было особенно приятно.

И у подножия этих сияющих вершин плели свои нехитрые сети десятки тысяч юзеров, стремящихся и не стремящихся к славе, сбегавшие на постоянно возникающие скандалы и исправно вставлявшие свои пять копеек. Из этих денег давно можно было соорудить пантеон человеческому тщеславию.

Впрочем, именно здесь попадались дневники кристальной чистоты и безыскусственности, точные слепки с характера и жизни автора, читать которые было особенно интересно, но временами даже неловко, когда я сталкивался с таким уровнем откровенности, который казался мне недопустимым для публичной записи.

Я не имею в виду бесстыдства, которым отличались многие девичьи дневники, обладательницы которых по-матроски матерились и не забывали сообщать о своих ПМС и очередных победах в сексе.

Это было очень смешно, но особую утеху доставляли дневники фанфаронов, чьи представления о собственной значимости сильно превосходили саму значимость. Здесь творили для вечности, афоризмами и размышлизмами, несмотря на это любителей читать «нетленку» находилось мало.

Поэты бубнили стихи и схватывались, как котята на ковре. Уроды и отморозки доказывали изо всех сил, какие они уроды и отморозки. И все равно, получалось плохо, потому что они были уроды.

Такова была общая картина.

donnickoff

8 апреля 20... года

Зизи оказывает мне знаки внимания в «аське» и, по всей вероятности, делает мне рекламу среди подружек.

В «аську» постучалась некая Мортимора Шведская – это ее ник, я не шучу. Ей двадцать один год, она виртуальная подружка Зизи. Москвичка.

Я ее спросил, догадывается ли она о смыслах, заложенных в ее имени? Всё-таки соединить две смерти в одном никнейме – это надо уметь. Мортимора ответила, что просто красиво звучит. Ну, пускай. Мне-то что за дело.

Почему Шведская, я уже и не спрашивал. Вероятно, потому же.

Мортимора оказалась не то чтобы спортсменкой, но любительницей фитнеса. Боже, как я ненавижу все эти слова, переехавшие к нам из заграницы! Было такое слово – физкультурница. Так вот, Морти – физкультурница. Если считать секс тоже физкультурой.

Каждый Божий день она едет в фитнес-клуб и там изнуряет свое немаленькое тело. Насчет размеров тела я судил по фотографиям, которыми Морти снабжает свой журнал. Мордашка приятная, росту за сто восемьдесят, плечи, как у пловчихи.

Что-то есть шведское, тут она права.

Конечно, она стала приобщать меня к фитнесу. Надо же о чем-то говорить. Я отшучивался, говорил, что из всего фитнеса предпочитаю баню.

Она сказала: о! обожаю баню! Давайте сходим вместе.

– Как ты себе это представляешь? – спросил я.

– Очень просто! – ответила она.

И правда, проще некуда. Преведение, заткните свои очаровательные ушки, если они у вас есть. То есть, закройте свои глазки, я хотел сказать.

Ну, назвался груздем, надо лезть в кузов. К этому культу-походу я готовился ответственно, как к небольшой контртеррористической операции.

Предстояло найти место сражения. Обилие предложений в Интернете меня удивило.

Во-первых, слова «сауна» или «отдых в русской бане» употреблялись не часто. Чаще встречалось волшебное слово «эскорт». Меня должны были эскортировать, как линейный корабль. Или, наоборот, я? Морти имела с линкором больше сходства.

Во-вторых, мероприятие, судя по всему, оборачивалось в серьёзную копеечку размерами в мою бывшую зарплату. Но ничего не поделаешь, я бесстрашно шел навстречу своей менто море.

Как восхитительны, в сущности, вечера в России, когда тебя эскортирует в баню девица гренадерского роста. Мы встретились у метро «Аэропорт» и пошли по адресу. У ме-

ня торчал из-под мышки веник. Морти была с рюкзачком. В моей сумке имелся небольшой запас провизии и выпивки от щедрот моего сына. Если бы вместо веника у нас была собачка на поводке, мы могли быть приняты за отца и дочь на вечернем выгуле.

Но у нас был веник, и он выдавал нас с головой.

Вы думаете, я стану выкладывать интимные подробности? Моя совесть мне запрещает. Но услуга в бане прекрасная, есть бассейн и огромных размеров кожаный сексодром. Морти сказала, что ей впервые такой встретился, и намекнула на эпизодическую связь с одним популярным в ЖЖ «тысячником».

Тщеславны они, тщеславны...

– Ты запишешь меня во френды? – спросила она.

– Нет, – сказал я. – Мой журнал читает жена, и она ревнива.

Так я нашёл безобидную формулировку.

Мы сидели в холле за столом и пили виски, завернувшись в простыни.

– А скажи, Морти, какие у тебя преобладают общественно-политические взгляды? Если они есть, конечно? – спросил я отечески.

– Гы! – сказала она. – Я национал-большевик.

То есть, она оказалась лимоновкой! Вы не представляете, как это возбуждает. Круче этого – только женщина майор милиции. Была у меня и такая.

Конечно, я немедленно поволок ее на кожаную тахту. Не знаю, возможно, это больше походило на экзекуцию. Я занимался сексом в бане второй раз в жизни. Первый был очень давно и был связан с непростыми коллизиями. Но не буду об этом...

После экзекуции она наконец сказала, как её зовут по паспорту. Ее звали Евдокия. Дуся. Как мою кошку. Она стала мне ещё милей и большевичней.

– Дуся, ты будешь с нами. Нас ждут великие дела!

– Дон, я вся твоя! – прорычала она басом.

Из викингов. Из варягов.

Так мы куем свои кадры.

pre_vedenie

Милый А. Д.!

Почему-то Вы считаете свою совесть воспитанницей пансиона для благородных девиц. «Закройте глазки, заткните ушки!...» Мы и не такое слышали и видали, благодаря Вам же. Потом Вы валялись в ногах, вымаливая прощение и находя массу смягчающих обстоятельств.

Кстати, о том «первом случае» в бане.

Как Вы помните, все происходило в сауне Дома творчества кинематографистов в Репине, под Ленинградом. Там в свое время проходили ежегодные семинары Института полупроводников АН СССР, куда Вы ездили из Долгопрудного молодым аспирантом.

Как обычно, в один из вечеров в баре возникло братание физиков и лириков. Лириков представляли ленфильмовские киношники – актеры, режиссеры, сценаристы. В тот вечер было немало выпито и сама собою родилась идея продолжить банкет в сауне, находившейся в отдельном строении, в ста метрах от Дома.

Набралось человек 15, среди них Вы, а также молодая актриса Т. Вам было лет двадцать пять, ей и того меньше...

Продолжать?

donnickoff

Нет. Вы чудовище. Вы не можете этого знать. Я никому не рассказывал.

pre_vedenie

Но Вы же были не один.

donnickoff

Вы – та самая актриса?! Невероятно!

pre_vedenie

Нет, успокойтесь. Вы никак не можете поверить в то, что я действительно Ваша совесть.

donnickoff

Я Вас боюсь...

donnickoff

8 апреля 20... года

Так вот, случай, о котором вы осведомлены, был действительно нетривиальный. Бывает так, что отношения, завязавшиеся случайно и по пьяной лавочке, вдруг вырастают в нечто большее. В любовь, не побоюсь этого слова.

С актрисой Т., о которой Вы упомянули, связь состоялась в первый же вечер, прямо там, в Доме творчества. Мы оба были пьяны, нас потянуло друг к другу... Короче, пьяная случайная связь, если пользоваться определениями моралистов.

Но мы обменялись телефонами, и меня потянуло позвонить ей уже из Москвы. Дело в том, что она не произвела впечатления женщины, легко отдающейся первому встречному, хотя со мною было именно так. В какой-то момент я просто взял её за руку и повел прочь от компании в свой номер. И она несколько не жеманничала.

Но теперь пришлось начинать всё сначала. Она не шла на общение, ей казалось, что наша поспешная связь уронила её

в моих глазах. Да и мне пришлось долго доказывать, что я не принадлежу к разряду кобелирующих вертопрахов, хотя именно таково было первое впечатление.

И мы стали исправлять его по мере сил, изредка встречаясь то в Москве, то в Питере, причем эти свидания не сопровождались постелью. Мы просто гуляли по улицам и паркам, обедали или ужинали в кафе, посещали театры и музеи.

Так продолжалось полгода, при том, что нас несомненно тянуло друг к другу физически, но мы словно отбывали наложенную самими на себя повинность за тот первоначальный грех.

Но наконец настал миг, когда держаться дальше на поцелуях и ласках стало невозможно, и мы вплотную приблизились к тому, чтобы снова познать друг друга – уже на гребне любви.

Я действительно любил её.

И тогда она сказала:

– Я смогу это сделать только если мы дальше всегда будем вместе. Как муж и жена. Прости, иначе я не могу.

Это было в Ленинграде, в гостинице «Москва», где я оставился.

Я спустился в бар и купил две бутылки самого дорогого вина, на которое хватило денег. Это был крымский «Мускат» разлива одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года – года нашей первой встречи. После этого мы выпили в моем номере по бокалу, а вторую бутылку я подарил ей со слова-

ми:

– Её мы выпьем, когда я буду свободен для тебя. Прости, но сейчас я не могу этого обещать.

Моему сыну было тогда три года. Я не мог оставить его ни при каких обстоятельствах.

Помню, как она уходила – маленькая, с прямой спиной, вздрагивая при каждом шаге и не оглядываясь. Она была актрисой травести.

Мы больше не встречались, не переписывались и не перезванивались.

Такие дела.

donnickoff

9 апреля 20... года

После исследования инструмента и правил игры я попытался сформулировать, чего бы хотел от инструмента добиться. Мой интерес был чисто научный, умозрительный. Практическая польза от игры пока даже не планировалась.

И тут на помощь пришел случай.

Бродя по Журналу я наткнулся на давний инцидент – флешмоб*, получивший название «Московский дворик» («московский дворег» в транскрипции падонкафф).

Суть вопроса такова, если кто не знает.

Однажды на Чистых Прудах одна московская барышня, рядовой юзер ЖЖ, купила себе хот-дог и, дабы не привле-

кать внимания и съесть хот-дог в приятной обстановке, зашла в первый попавшийся двор, где действительно оказалось приятно – чисто, ухожено, покрашенные новые скамейки. Недолго думая, барышня уселась на скамейку (некоторые утверждают, что на спинку скамейки, чем и были вызваны последующие события) и принялась уплетать хот-дог.

Внезапно к ней приблизилась тетка и объяснила, что дворик частный, находиться здесь посторонним нельзя, тем более жрать хот-доги. И попросила выйти вон. Барышня сказала, сейчас доем и уйду типа (по другим источникам послала тетку нах).

Тогда прибежал дядька и принялся барышню выталкивать силком, нанеся легкие телесные повреждения. Короче, она ушла в слезах, а вернувшись домой, изложила событие в своём ЖЖ. Пожаловалась, по неосторожности указав адрес места происшествия.

Народ повозмущался в комментах, а какой-то молодой человек, не из Москвы даже, а из Питера, предложил прямо сейчас всем, кто может, ломануться в этот дворик с хот-догом и там нагло его сожрать.

То есть, дал идею флешмоба.

Идея распространилась, как степной пожар. Назначили время – через два часа – и ровно через два часа несчастный дворик был полон ЖЖ-юзеров, жрущих хот-доги, а защитники двора в лице злой тетки и хулиганопенсионера были посрамлены.

На следующий день в ЖЖ праздновали победу и выкладывали фотографии, повествующие о флешмобе.

Это все было крайне поучительно.

Вот какие выводы я сделал.

1. Система обладает способностью к самоорганизации и самопроизвольному распространению информации.

2. Элементы системы (ЖЖ-юзеры) осознают себя как ее части и способны выступать от имени системы.

Последнее было очень важно. Юзеры собрались во дворик со своими дурацкими хот-догами не как демократы, православные, националисты или защитники прав человека. Они собрались как ЖЖ-юзеры, их политические убеждения не помешали им собраться вместе и защитить честь члена сообщества. Хотя сообщество это никак ещё не было оформлено.

Значит, следовало помочь ему оформиться и сделать каналы распространения информации более быстрыми и надежными.

Первое, что пришло на ум – создание комюнити под каким-то лозунгом и списка рассылки новостей и сообщений для участников комюнити.

Но мне это не понравилось. Здесь не было того, что делает любую организацию сплочённой, а участие в ней – романтическим.

Здесь не было Тайны.

donnickoff

10 апреля 20... года

Кажется, я придумал план действий.

В сущности, у меня нет никаких знакомых в этом виртуальном мире, кроме Анжелы, Зизи и Морти. Наше «асечное» общение длится, каждая девица не прочь продолжать необязывающие встречи, а Анжела, постарше других, кажется, не против скрепить отношения документально, хотя понимает, что это трудно осуществимо.

Мне ничего не нужно от ЖЖ – ни славы, ни денег, ни власти. Я вполне удовлетворен позицией скрытого наблюдателя. Но для того, чтобы овладеть инструментом, мало наблюдений. Надо построить машинку, приводящую ЖЖ в движение.

Это я и собираюсь сделать с помощью моей ненадежной гвардии.

donnickoff

14 апреля 20... года

Итак, расскажу, что вышло. Вчера мы встретились – я и мой кордебалет.

Пару дней я готовился к встрече и договаривался в «ась-

ке» с делегатами этого учредительного съезда, как я сам его обозвал. Естественно, каждая думала, что явится на встречу одна. Зизи примчалась из Питера на своей «Мазде».

Я назначил встречу на три часа дня в ресторане «Арагви», заранее заказав столик. Ностальгическая любовь к этому ресторану осталась со времён, когда там отмечались защиты диссертаций нашими аспирантами.

Я пришел пораньше, встречал каждую девушку и усаживал за столик. Первой пришла Зизи, потом Мортимора; увидев у гардероба Анжелу, я отправился встречать её. Пришедшие первыми девицы курили и перешептывались.

– Дон, у тебя бёзник? – спросила Дуся, когда я подошел с Анжелой.

– Что?

– Дэ-эр, день рождения, – перевела она.

– Ах, нет. Но в каком-то смысле – да. Знакомьтесь, это Анжела.

Девушки кивнули.

– Ну вот, все в сборе, – начал я, ещё раз мысленно окинув с высоты наш тесный кружок.

Подумалось, что нас меньше, чем народовольцев на первом, липецком съезде. А задачи наши не менее грандиозны. Но о них пока знал только я.

Подошел официант и принял заказ. Я взял бутылку хорошего коньяка и две бутылки сухого красного. Девушки, щебеча, заказывали закуски и шашлыки.

Я разлил коньяк и поднял рюмку.

– Девушки, я рад вас видеть. Запомните этот день, вам суждено быть у истоков великого проекта, – сказал я.

– А мы думали, ты нам группентрах предложишь! – пискнула Зизи.

Я сохранил серьезность, показав этим неуместность тона.

Мы выпили и я начал излагать.

– Девушки, я предлагаю вам принять участие в игре. Вы будете моими ассистентками. Мы создаем в ЖЖ тайное общество. Впрочем, никто не мешает распространить его на весь Интернет. Но начнем с ЖЖ.

Девушки притихли. Тайное общество! Давненько стены «Арагви» не слышали таких слов. Со времён левых эсеров, должно быть.

– Не пугайтесь, опасности нет. Ничего, связанного с криминалом, антигосударственной деятельностью у нас не будет, – продолжал я.

Они ещё не могли понять, что любая тайная игра, тайное сборище и организация являются антигосударственными, даже если ты тайком проводишь турнир по шашкам.

– Для начала скажите – способна ли каждая из вас подобрать трёх надежных друзей, которым можно довериться и которых можно вовлечь в игру?

– Легко! – сказала Зизи.

– Ты ещё не сказал про игру, – напомнила Анжела.

– Я просто хочу организовать в ЖЖ идеальный способ пе-

редачи информации для устройства праздничных флешмо-
бов. Чтобы за считанные часы можно было залудить флеш-
моб на тысячи участников.

Девушки заулыбались. Это было понятно.

– Это разве всё? – спросила Анжела, которая надеялась,
что я предложу что-то, связанное с их организацией.

– Пока всё. Не будем забегать вперед.

И дальше я, насколько мог доходчиво, объяснил девуш-
кам устройство системы.

Она представляет собою пирамиду. На вершине пирами-
ды, на нулевом уровне, находится один человек – Главный
(Верховный) Модератор. Слово «Верховный» я произносил
мысленно. На первом уровне, чуть ниже, – всего три юзера.
Это и были мои красотки. У каждой из них – ещё три юзера
ближайшего нижнего уровня.

И так далее.

Легко посчитать, что число юзеров на каждом уровне
представляет собою степень числа 3, соответствующую но-
меру уровня. На двенадцатом уровне число юзеров равно
примерно полумиллиону.

Девуцы рты раскрыли.

– А нас есть столько? – спросила Морти.

– Вот и проверим.

Собственно, от них требовалось лишь принимать от меня
указания и предложения по электронной почте и передавать
ниже трем своим избранным корреспондентам, а те ещё ни-

же и так далее.

Восходящие импульсы тоже предусматривались – предложения от юзеров Верховному.

Исходившие от Верховного предложения по флешмодам не подлежали безусловному выполнению. Я понимал, что введение строгой дисциплины в такой игре не пройдет.

– Ты хочешь захватить власть в ЖЖ, – сказала Ангела.

– Отнюдь. Я не намерен раскрывать своего инкогнито и становиться публичной фигурой. Предложения и директивы официально будут исходить от некоего Центра. Сколько там народу и как принимаются решения – неизвестно. Ни один юзер не должен и не будет знать – на каком уровне он находится, насколько близок он к вершине пирамиды... Кроме вас.

– Недемократично, – сказала Ангела.

– А вот это правильно. Никакой демократии, – сказал я. – Хватит. Мы пойдем другим путем.

– И зачем это вам нужно? – спросила Мортимора. Она даже снова перешла со мною на «вы».

– В сущности, только для того, чтобы проверить некоторые принципы работы больших самоорганизующихся систем, – ответил я. – В ближайшее время вы получите от меня письмо, которое надлежит передать дальше. Но только после того, как я буду иметь сведения о достаточной численности системы.

И мы продолжили пить и закусывать.

donnickoff

15 апреля 20... года

Вот что пошло сегодня сверху вниз по моей информационной пирамиде.

ИНСТРУКЦИЯ № 1

Участникам системы тайного оповещения.

Системой тайного оповещения (СТО) называется информационная среда, состоящая из пользователей Интернета и предназначенная для быстрого оповещения юзеров о готовящихся акциях.

Оповещения исходят от Центра СТО, остающегося анонимным.

Акции, предлагаемые Центром, не преследуют коммерческих, политических, криминальных, религиозных и прочих целей, кроме цели демонстрации общественной мощи Сети.

Ячейка системы состоит из одного участника верхнего уровня, называемого сюзереном, и трех участников нижнего уровня, называемых вассалами. Каждый вассал является сюзереном для ближайшего нижнего уровня.

Согласившись войти в систему, участник принимает на себя следующие обязательства.

1. Передать через сюзерена сообщение Центру о своем согласии.

2. Найти трёх новых участников-вассалов, не состоящих в системе, и передать им настоящую Инструкцию.

3. При получении любого сообщения от своего сюзерена, передать его без изменения своим вассалам.

4. По возможности исполнить содержащиеся в сообщении инструкции.

5. При получении сообщения Центру от вассала передать его своему сюзерену без изменения.

6. Не обсуждать никаких вопросов, связанных с системой, ни с кем, кроме своего сюзерена.

7. При выходе из системы связать своего сюзерена со своими вассалами.

donnickoff

15 апреля 20... года

Вроде бы, предельно четкая Инструкция.

Преведение, Вам понятно?

pre_vedenie

Формально понятно. Непонятно – зачем.

donnickoff

Мне самому ещё не всё понятно. Но уже интересно.

donnickoff

16 апреля 20... года

Разослал Инструкцию своим вассалам и жду сообщений от первых участников. Немного волнуюсь. Как встретит народ эту затею?

Впрочем, весь фокус в том, что система предложена тайная, а значит, открытых обсуждений в ЖЖ быть не должно, народ сетевую этику знает.

Иначе бы похоронили тут же, знаю я местный парламентаризм.

pre_vedenie

Пока Вы ждете, А.Д., позвольте мне встрять.

Не верится мне как-то, что нет у Вас иных целей, кроме познавательных. То есть, я не думаю, что Вы врёте. Может, просто себя обманываете? Подумайте, чего же Вы все-таки от этой системы хотите. В общественном, так сказать, плане.

donnickoff

17 апреля 20... года

Преведение, Вам знакома история создания атомной бомбы? Не самый конец, когда в Лос-Аламосе под руководством Эдварда Теллера группа ученых создавала бомбу по заданию Пентагона, а более ранний период, когда была открыта термоядерная энергия? Ведь тогда и Бор, и Эйнштейн, и другие уже хорошо представляли себе, что можно получить от этой энергии. И плохого, и хорошего. Но конкретных целей они себе не ставили. Никто из них не желал мирового господства. Им лишь была крайне интересна эта выдумка Природы.

Вот и мне крайне интересна выдумка общества – Интернет. И что с ним можно сделать. Не исключено, что это своего рода атомная бомба при определенных условиях и в определенных руках.

donnickoff

25 апреля 20... года

В поселке наступила весна. Пробиваются первые почки. По карнизам стучит вода.

Дачники начинают наезжать, чтобы проветрить закрытые на зиму дома, раскрыть ставни и впустить первые зябкие

сквозняки в затхлые комнаты. Среди дачников вполне могут быть вассалы моих вассалов.

В соответствии со статистикой русскоязычных пользователей Интернета – половина из Москвы, треть из Питера, остальные из России и зарубежья.

donnickoff

1 мая 20... года

Интересно. Сижу, как рыболов с удочкой. Кто первым клюнет? Мои девицы-вассалы обрабатывают клиентов. На это надо время. А у нас бывший Первомай. Менты нацепили красные бантики по привычке.

donnickoff

5 мая 20... года

Пришло первое сообщение от вассала второго уровня.
«От Юстаса – Центру. Вассал моего вассала – не мой вассал».

Не успел прочитать – второе. Посыпались.

donnickoff

10 мая 20... года.

Осваиваем седьмой уровень Системы. Пошли первые сигналы снизу. Спрашивают, когда начнем акции. У народа чешутся руки.

Но я не спешу. Первая акция должна быть заметной.

donnickoff

15 мая 20... года

Дальше тянуть нельзя. Хотя Система растет, но темпы роста уже замедлились, хотя по-прежнему мои героические девушки, вассалы первого уровня, продолжают пересылать мне тысячи сообщений о подключении к Системе.

У нас уже на нынешний момент 435 679 юзеров.

Пора действовать.

Девочки нервничают, они не предполагали, что окажутся на вершине такой пирамиды, будто на страшной высоте. Я их как могу успокаиваю в «аське», приглашаю к себе, пою коньяком и подвергаю ласкам.

Чистая терапия.

Подвергнутые ласкам, они несколько дней держатся молдцами.

Анжела рассказала, что слышала в кафе разговор двух парней и двух девушек. Примерно такого содержания.

«— Нас развели, как лохов! Почему я должна молчать! —

это одна из них молодому человеку.

– Потому что ты вассал, Акулина! Мой вассал, запомни. И не рыпайся, – отвечает тот.

– Сюзерен нашелся! – это другая, тоже вассал, по-видимому.

– Ты обращался в Центр? Что они говорят?..»

И так далее.

Когда до моих девушек доходит, что это они вместе со мною и есть Центр – им становится плохо и нужно срочно поить их коньяком.

donnickoff

17 мая 20... года

ИНСТРУКЦИЯ № 2

Вассалам всех уровней от Центра.

19 мая 20... года, в День рождения Пионерской организации им. Ленина, надлежит:

1. Собраться на центральной площади вашего города, поселка, деревни к 15.00 по московскому времени, имея при себе красный пионерский галстук.

2. Ровно в 15.00 по МСК надлежит повязать галстуки, собраться вместе и построиться в колонны по четыре

3. Промаршировать колонной с песней:

«Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы – пионеры,
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов,
Клич пионеров —
Всегда будь готов!»

4. Разбежаться в разные стороны и раствориться в толпе.

ЦЕНТР

Примечание: Песню в МПЗ для разучивания мотива можно скачать здесь: <http://.....>

donnickoff

18 мая 20... года

Девочки в шоке.

Они, конечно, передали Инструкцию своим вассалам, но сразу же дружно набросились на меня в «аське», упрекая, что я сошёл с ума и никто не придет на такой отстойный флешмоб.

– А вы чего хотели? – вяло отшучиваюсь я. – Раздачи парфюма? Встречи с Киркоровым? Моя Система, какой хочу флешмоб, такой и заказываю. У меня ностальгия.

Но сам страшно волнуюсь. До акции осталось меньше суток.

donnickoff

19 мая 20... года

Поехал к трём часам дня в Москву на Красную площадь, чувствуя себя стопроцентным старым идиотом. В кармане имел красную тряпочку для чистоты эксперимента. Нельзя призывать к чему-то, а самому уклоняться от этого.

Примерно без четверти три, заметив сгущение молодежи в районе Лобного места, направился туда.

Толпа нарастала с непостижимой быстротой, будто лавина сходила с горы. У меня сердце стучало, а рука, сжимавшая в кармане пионерский галстук, вспотела. Все нервно посматривали на часы Спасской башни.

Милиция наконец очухалась и тоже поспешила к Лобному месту. Но винтить пока было не за что. Никто не митинговал, даже не переговаривался. Люди стояли, посматривали на часы и ждали. И в этом ожидании была какая-то страшная и грозная сила.

На лица ментов тоже стоило посмотреть.

Ровно в 15.00 с первым ударом курантов на Спасской башне сотни молодых людей выдернули из карманов и сумочек красные пионерские галстуки и, лихорадочно спеша, приня-

лись повязывать их на шею.

У ментов не выдержали нервы.

– Разойдись! – рявкнул один из них в мегафон.

Но ментов было явное меньшинство. Моих же вассалов было у Лобного места несколько тысяч человек.

Их было так много, что предписание построиться в колонны было выполнено очень приблизительно. Просто авангард толпы, который оказался ближе к Васильевскому спуску, взявшись за руки, зашагал вниз к мосту.

Кто-то первым запел чистым звонким голосом.

– Взвейтесь кострами,

Синие ночи!

– Мы пионеры,

Дети рабочих!

– подхватила толпа.

В весеннем прохладном воздухе звенела песня. Тысячи молодых людей в красных галстуках (впрочем, было немало и пожилых) маршировали с песней по Васильевскому спуску, а обалдевшая милиция сопровождала их по обе стороны. Это было невероятно красиво и до сумасшествия необычно.

Раздался вой сирен. Откуда ни возьмись налетели милицейские сине-желтые узики, из которых посыпались менты. Они бросились в толпу, стараясь отодрать от колонн сцеп-

ленных руками вассалов.

Уже кого-то волокли в ментовский уазик.

Но песня продолжалась и только с последними словами «всегда будь готов!» люди побежали врассыпную.

В минуту никого не осталось на Васильевском спуске, кроме ментов и захваченных ими трех человек – одного парня, старухи и девочки-школьницы.

Я тоже бежал вместе со всеми, задыхаясь от бега и счастья. Я угадал! Угадал! Угадал!

Моя система работала!

donnickoff

20 мая 20... года

Ну и напились мы сегодня вчетвером на моей даче!

Зизи примчалась из Питера в ту же ночь, сразу с Дворцовой площади, где тоже было смятение ментов, и толпа в красных галстуках, и песня.

Она привезла фотографии.

Дуся и Анжела были на Васильевском спуске, но мы друг с другом не встретились, слишком велика была толпа. У них тоже были с собою фотки с их цифровых аппаратов. Мы смотрели их на мониторе.

Ну, и конечно, мы читали Ленту. ру, Полит. ру, другие новостные сайты, и главное, Живой Журнал.

Впечатление сногшибательное. Флешмоб был – да ещё

какой! – а признаков его организации нигде не находили. Те участники, которых удалось проинтервьюировать в СМИ (их было очень немного), говорили, что просто хотели вспомнить пионерское детство, что это было наитие, внутренний голос и прочая ерунда.

Ни один не выдал организацию!

Тут и там в ЖЖ и в электронных СМИ мелькали фотографии: флешмоб во Владивостоке в 11 часов вечера по местному при свете фонариков, в Новосибирске, в Екатеринбурге – толпы поющих людей в пионерских галстуках.

Мистика!

Позже начали приходить фотографии и сообщения из-за рубежа. Там было пожиже, конечно, но и в Берлине, и в Иерусалиме, и даже в Нью-Йорке в 7 утра наблюдались странные стайки людей в красных галстуках, которые бодро маршировали по улице, распевая песню на русском языке.

Люди эти были, как правило, весьма зрелого возраста. Эмигрантская часть ЖЖ их почти единодушно осуждала. Стоило ли покидать совок, чтобы распевать совковые песни на новой родине?

«Тысячнеги» в целом на флешмоб не реагируют. Они привыкли, что сами всегда являются информационным поводом, а тут что-то прошло без них и мимо них. Интеллектуалы вяло пишут о непонятном характере акции, идеологи всех мастей осуждают, но осторожно, понимая, что среди участников были и их люди. Художники уже принялись рисовать

карикатуры.

donnickoff

24 мая 20... года

Сегодня получил сообщение «снизу». Поступило через Зизи. Пишет один из вассалов 5 уровня.

«Привет, ЦЕНТР!

Меня зовут Серега Валетов, меня замели после флешмоба. Продержали в обезьяннике два дня, шили „нарушение общественного порядка“. Они там уже что-то знают. На второй день следователь стал спрашивать, что я знаю о ЦЕНТРЕ и кто такие вассалы? Я прикинулся валенком. Сказал, что видел сообщение о флешмобе на каком-то форуме, забыл, типа.

Так что имейте в виду.

С приветом!»

Трудно было предположить, что в неформальной тайной организации числом несколько сотен тысяч, не связанной к тому же строгим членством и партийной дисциплиной, не найдется отступников.

Это нормально.

Серега не выдал своего сюзерена и своих вассалов. Но пока власти действуют мягко. Собирают информацию.

В ЖЖ есть недовольные, которые вопрошают, почему их не предупредили и откуда народ узнал? Я заметил, что в комментариях им советуют написать кому-то в почту, типа получают разъяснения.

Через некоторое время приходит сообщение о регистрации этого юзера в Системе. Это означает, что вассалы нижнего уровня не дремлют и ищут клиентуру, стремясь стать сюзеренами.

«Ловись, рыбка, большая и маленькая!»

Таким путем внедриться в наши ряды осведомителю – проще простого. И что будет? Они получают адрес ближайшего сюзерена, и только. Через него можно выйти на его трех вассалов и сюзерена. ещё 4 человека. Перебирать все цепочки – замучаешься, тем более, я уверен, что дознаватели будут посланы.

Пока они действуют гуманными методами, конечно.

Впрочем, мы пока не давали повода действовать иначе.

donnickoff

26 мая 20... года

Пришло несколько сообщений от вассалов с вопросом, почему акция носила идеологический характер, тогда как обещали этого не делать.

Я не могу отвечать конкретному вассалу через Систему. Могу лично, но тогда себя выдам. Я предпочитаю админи-

стративно-командный метод. Поэтому изобрел следующую форму, которая и ушла вниз через моих красавиц.

КОММЕНТАРИЙ № 1

Всем участникам Системы.

ЦЕНТР не считает проведенный флешмоб идеологической акцией в защиту советских и коммунистических ценностей, поскольку никаких лозунгов не выдвигалось, а марш с пионерской песней и красными галстуками воспринимался многими участниками и зрителями как чистый стёб и глумление над этими ценностями.

donnickoff

1 июня 20... года

Сижу, изобретаю новую акцию. В голову ничего не лезет. Мда.

donnickoff

6 июня 20... года

Почтил вниманием обозреватель С. Максимов. В своей колонке в «Известиях» упомянул о нашей акции и немного порассуждал на тему – стёб или ностальгия?

В ЖЖ продолжают строить конспирологические теории одна занятней другой. Думаю, что строят как участники Си-

стемы, так и находящиеся вне её. Если такие остались, потому что сегодня количество участников достигло семисот тысяч.

Чаще всего ищут тайное комюнити. И не находят.

donnickoff

9 июня 20... года

ИНСТРУКЦИЯ № 3

Всем участникам Системы

12 июня, в День Независимости, всем участникам Системы надлежит подготовить цветной воздушный шарик, надутый гелием, и ровно в 15.00 по МСК выпустить его в небо из окна, с балкона, с крыши и т. п.

ЦЕНТР

donnickoff

11 июня 20... года

Любители экстрима разочарованы. Они полагали, что следующая инструкция будет призывом к штурму Зимнего дворца. Некоторое количество юзеров покинуло Систему, увеличив нагрузку на своих сюзеренов вдвое.

День Независимости – праздник странный. К нему никак не привыкнуть. Пусть хоть шариками запомнится.

Встретил сегодня в ЖЖ новые словечки «сюзер» и «вас-ся». По-моему, это сленговые обозначения участников Системы. И спросить, по сути, не у кого.

Анжела тоже недовольна, Зизи прикалывается насчет шариков, Мортиморе всё до лампы.

donnickoff

11 июня 20... года

Шарик, надутый гелием, я попросил привезти моего снабженца Сережу, который доставляет мне продукты. Накануне праздника он привез разных деликатесов.

Вручая мне шарик на ниточке, он спросил:

– Когда выпускать, знаете?

– Что? – вздрогнул я.

– Народ говорит – в три часа дня.

– Хорошо, – только и сумел я сказать.

То есть чуть ли не православный обычай.

Напомнил мне эпизод из фильма «Ленин в октябре», когда Ильич, перевязанный платком, едет в трамвае в Смольный и спрашивает кондукторшу: почему в парк вагон идет?

А та отвечает: ты, что ль, не знаешь? Наши все знают. Буржуев бить будем.

Будем шарики выпускать.

Ага.

pre_vedenie

Я тоже шарик купила.

donnickoff

12 июня 20... года

Денек выдался на славу – солнечно и тепло.

С утра я раскрыл двери на просторную веранду второго этажа. Поставил там стол и стулья из белого пластика. На стол водрузил три бутылки «Paulaner», закуску к пиву. Перенес лэптоп с сетевым шнуром, подключенным к большому компьютеру, настроил Интернет.

К спинке одного из стульев привязал доставленный Сережей красный шарик. Он спокойно висит в воздухе, безветренно.

Нашел сайт с веб-камерой, которая показывает Москву-реку и Замоскворечье. Интересно посмотреть, что будет в три часа дня.

Пока всё спокойно. Прошли жириновцы с флагами и транспарантами. Я открыл первую бутылку.

До акции сорок пять минут.

donnickoff

12 июня 20... года

Суперски! – как говорит Зизи.

Сидел на веранде, смотрел на часы и картинку на десктопе с московской веб-камеры.

В пятнадцать ноль-ноль по сигналу радио отпустил свой воздушный шарик.

И увидел, как в Москве, в Замоскворечье, всплывают в весеннее небо сотни – нет, тысячи! – разноцветных шаров. Разом, все как один. Ковер в небе из разноцветных шариков. Это было так красиво, что я чуть не прослезился. Ком в горле, ей-богу!

Я повернул голову и увидел, что в пятидесяти метрах от меня, над дачей адмирала М., тоже взлетает в небо шарик, но голубой.

– Елки-моталки! – воскликнул я забытое с детства. И крикнул во всю глотку: – Ура!

Из окна дачи адмирала высунулась голова сторожа, которого я иногда вижу мельком из своего окна. Это мужик средних лет с усами, я думаю, что какой-нибудь сверхсрочник.

Он помахал мне рукой. Вассал.

Знал бы он, что машет рукой самому Верховному!

donnickoff

13 июня 20... года

«Поющие вместе».

«Летающие вместе».

«Надутые вместе».

Журналисты всех СМИ упражняются в остроумии, но никто ничего не знает, кроме того, что участники флешмоба получают инструкции по электронной почте от какого-то Центра, но через разные адреса. Каждый от своего «сюзера», и сюзеров этих до чёрта, что сильно запутывает картину.

Никто не может додуматься до пирамиды, ведь электронная рассылка из одного центра гораздо проще. Но она и логичнее.

А могли бы вспомнить фильм «Тимур и его команда», из которого я и содрал схему оповещения тимуровцев. Помните все эти банки и склянки по чердакам, соединенные веревками?

donnickoff

13 июня 20... года

ЖЖ ликует. Показать всей России свою численность и организованность – это дорогого стоит. Сколько лет обсуждали в прессе: ЖЖ – это зло или добро? Пережевывали «превед» и «красавчег».

Вот вам и превед, и красавчег.

Красавчег – в данном случае я.

donnickoff

14 июня 20... года

Сегодня с утра взял подмышку бутылку Jameson и отправился к усатому соседу, выпустившему голубой шарик.

– Пришел знакомиться, – говорю.

– Заходи, гостем будешь..

Ну, мужик как мужик. В камуфляже. Лет около сорока.

Это я узнал в процессе разговора. Уселись в адмиральской гостиной, он сайру в банке открыл, хлеб поставил.

– Алексей меня зовут. По отчеству Данилыч, – говорю.

– А я Геннадий. По отчеству Петрович.

Два слова о себе сказал. Служил во флоте, потом спецназ, сейчас в охранном предприятии. Имеет 400 баксов в месяц и сторожит дачу адмирала. Всё путем.

Выпили.

– Ты понял, чего я пришел? Мы с тобой, вроде, в одной команде. Шарики выпускаем, – говорю.

– Шарики да. Насчет команды ещё разобраться надо, – говорит.

Выпили снова.

Разговор поначалу трудно пошел. Это вам не с девочками. Мужик понятие имеет.

– Откуда узнал про акцию? – спрашиваю.

– Откуда и ты, – говорит.

– Прислали Инструкцию?

– Ну, прислали – не прислали, какая разница? Узнал. Молодец мужик. Наш кадр.

– А что думаешь про всё это?

– А зачем тебе? – говорит.

– Мне интересно. Вот я на Васильевском спуске был, пионерскую песню пел... Ты был?

– Был.

– А для чего всё это? – спрашиваю.

– Да так... Делать-то нечего народу.

Не раскалывается, короче, никак.

– А тебе зачем нужно, Гена?

Он виски разлил. Выпили. Задумался.

– А ты кто, вообще? – спрашивает.

Ну я ответил как есть. Живу на даче сына. Бывший ученый. Нигде не соврал, только про Систему и своё в ней участие не упомянул.

– А-а, значит, из этих... – он помрачнел.

– Из кого?

– Из богатеев.

– Я? Из богатеев? Смеёшься. У меня зарплата последняя пять тысяч двести, Гена. Рублей, не долларов. И квартира однокомнатная. И шиш в кармане. Из богатеев... – я обиделся.

– Ну, сын же... – Гена смутился.

– Сын сыном, а я сам по себе. Ты тоже вот у адмирала в

прислуге.

Он помрачнел, налил себе и выпил.

И тут его прорвало.

– Адмирал человеком был! Я у него матросом начинал на подлодке, когда он ещё кап-два был! Потом в морской пехоте. А сейчас... Все хапают, и он хапает. И эти все! А мы... мы шарики пускаем...

Он был уже пьян. Я быстро ретировался, оставив ему недопитую бутылку.

donnickoff

16 июня 20... года

Но сегодня Гена пришел сам. С ответным визитом. Принес поллитра. Уселись мы на веранде и начали «за жизнь» толковать.

Разговор был долгим, а время сейчас позднее. Поэтому здесь даю резюме.

А резюме типичное. Геннадий Петрович Блинов, русский мужик сорока лет, оказался не востребовавшимся новым временем, а точнее, не поспевшим к дележу пирога или к месту у кормушки. Пока он с автоматом в руках выполнял контр-террористические директивы, те, кто эти директивы давал, регистрировали предприятия, основывали банки, приватизировали всё, что можно и нельзя, и строили особняки.

Их тоже убивали, но реже, и за совсем другие дела и дру-

гие деньги.

Геннадий после флота, откуда он демобилизовался в начале девяностых, пошел в спецназ и прошел обе чеченские войны. Когда же уволился и оттуда, с его опытом и умением смог устроиться лишь охранником. И сейчас здоровый мужик в самом расцвете сил сидел на даче, попивал чай и водку, поглядывал телевизор и размышлял о своей судьбе.

Другие бы за благо почли такую синекуру. Бывший командир, ныне адмирал, занимавший высокую должность в Генштабе, вынул его из магазина Gucсi на Тверской, где Блинов стоял при входе, и поселил на своей даче. Там Геннадий, кроме охраны, выполнял роль садовника. Но все равно томился.

Томился он не отсутствием денег, ему вполне хватало, а отсутствием дела и наблюдаемой несправедливостью жизнеустройства.

– Ну, скажи, Петрович, зачем этим хмырям трехметровый забор и мраморный бассейн на участке? – он ткнул в сторону самого дорогого особняка – трехэтажного, из красного кирпича, с огромным участком в три гектара, огороженным высоким забором тоже из кирпича. И это при том, что весь поселок был обнесен колючей проволокой и охранялся ментами.

Строительство внутри мраморного бассейна снаружи не просматривалось, но было хорошо известно со слов ментов, да и машины с материалом приходили в поселок регулярно, так же регулярно привозили и увозили на автобусе рабо-

чих-гастарбайтеров.

– Красиво жить не запретишь, – сказал я.

– Почему это не запретишь? Всё можно запретить. И красиво жить тоже. Я бы запретил.

– Почему?

– Потому что нельзя на золоте жрать, когда народ голодает!

– Ну прямо и голодает...

– Я тебе матушкины письма покажу. Она с Вологодской области пишет. Пенсионеры голодают, если дети им не подсобляют. Я матери каждый месяц высылаю, а иначе и она бы побиралась... Ты в Москве не видел разве? У каждого бака мусорного по двое, по трое... Когда такое было? А рядом мрамор и стекло, роллс-ройсы и мерседесы, говном этим сраным набитые! Новыми русскими, бя! Не русские они, Данилыч. Кто угодно, но не русские!

– Да в том-то и дело, что тоже русские... – вздохнул я.

– Значит, не советские!

– Вот что не советские, это точно.

Представление о справедливости у Гены вполне советское – это чтобы всем было примерно поровну благ. И самое интересное, что я с этим представлением в целом согласен.

Тот, кто лучше и успешнее работает, должен иметь больше, но совсем не в сто раз, потому что ни один из органов его тела не потребляет в сто раз больше материальной и духовной энергии, чем у других. С материальной понятно и так,

желудков, как у кашалота, у людей не бывает. С духовной несколько сложнее, там различие может быть и на порядок.

Справедливость по-советски заключалась не в том, чтобы «всё взять и поделить», как сказано у Булгакова, а в том, чтобы тунеядцы не получали больше тружеников. Посему такая неприязнь была к партийным работникам – их считали тунеядцами, иногда необоснованно, ибо более собачьей работы, чем у штатных инструкторов и всякого рода вторых и третьих секретарей, не было. Надо было врать всем – вышестоящим, нижестоящим и самому себе.

Поэтому и представление о переменах в обществе, неосознанные и осознанные общественные мечтания, связывались вовсе не со свободами – напрасно так думают либералы. Свободы были необходимы весьма тонкой прослойке интеллигенции. А народ вполне устраивала справедливость, которую мудрый царь мог дать и без свяких свобод.

Но дали свободу, а она породила такую несправедливость, о которой не слыхивали при Советах.

И не надо меня спрашивать, что и как надо было сделать. Я не знаю. Но не то, что сделали.

– Нас много таких, Данилыч, – сказал Блинов. – И мы ждем команды. Если этот Центр – не фуфло, он команду даст. Народ готов.

– Какую команду? Призывать к оружию?

– Зачем? В армии и в милиции тоже люди. И проблем у них не меньше. Если захотеть, эти вылетят из особняков без

единого выстрела, – он мотнул головой в сторону коттеджей.
– У них прикормленная и вооружённая охрана, которой есть, что терять. Кровь будет, – сказал я.
– А хоть бы и кровь. Я что – крови не видел?

donnickoff

20 июня 20... года

Одно к одному.

Сегодня приезжала Анжела со своим приятелем Антоном. Тем самым, что привозил ее зимой на «девятке».

Меня припирают к стенке.

Анжела сразу всем видом показала, что прошлые отношения отодвинуты и забыты. Она выполняет для меня большую работу бесплатно и хотела бы рассчитывать на некоторое вознаграждение в виде помощи умирающей организации «Звонница».

– Все наши вошли в Систему, – сказала она. – Все они вассалы в моей пирамиде. С третьего по шестой уровень.

Она так и сказала «в моей пирамиде».

– Спасибо, это очень хорошо, – сказал я.

– Что хорошего? Они спрашивают, что делать? Флешмобы так флешмобы, но какие-то осмысленные. Результативные... Антон, скажи!

Молодой человек по имени Антон рассказал, что Фельдман затеял выставку «Россия как она есть», на которой со-

брал всю доступную мерзость: концептуалистов, любителей перформанса, экскрементщиков и гомосексуалистов. Шум вокруг большой, стригут купоны, а общественность не реагирует.

– А как она должна реагировать? – спросил я.

– Ну не знаю. Вы же затевали Систему и планировали акции, как мне объяснила Анжела.

– Вообще-то, я просил её об этом не распространяться, – я взглянул на неё строго. – И я же объявил о том, что не преследую идеологических целей...

– Антону можно доверять, – вставила Анжела.

– Ну, это ваши проблемы, – сказал он. – А мы хотели бы в обмен на поддержку ваших акций и чего-то для себя.

Они уехали, забрав, наконец, гранатомёт, к моему облегчению. Собственно, за ним они и приезжали. Интересно, где и когда он выстрелит?

donnickoff

21 июня 20... года

Меня охватывает странное чувство вины, когда я думаю о том, что с нами происходит. Этого чувства не было раньше. Виновные в делах прошлых времён были другие. Может быть, партия и Ленин со Сталиным, может быть те, кто кричали «ура!» или же те, кто по ночам ездил за ними на черных «воронках».

Я не был к этому причастен и даже жгучий стыд за страну, который я испытал юношей в августе 1968 года, когда наши танки вошли в Прагу, не был чувством вины. Это сделали они. И мне было стыдно за них.

А сейчас я чувствую именно вину, будто все обманутые надежды, все попранные идеалы, вся погубленная романтика равенства и братства народов рухнули именно при моем попустительстве. Поэтому так мерзко мне бывает сидеть перед горящим камином, попить виски со льдом и смотреть по телевизору очередную программу журналистских расследований или криминальные хроники.

Очень много язв открылось кругом, и все они кровоточат и гноятся.

Я виновен не в том, что устроил эти порядки, и даже не в том, что им попустительствовал. Виновен я в том, что верил в возможность установления справедливости на этом пути. Когда шел на Пресню в августе 1991 года, когда голосовал за реформы Гайдара, когда участвовал в диспутах, утверждая, что конкуренция благотворна в науке.

Власть партии заменили властью денег, считая, что деньги являются единственным мерилom успеха, способностей и, в конечном итоге, устанавливают справедливое распределение благ. И это несмотря на то, что многие годы нас пугали страшным миром капитализма, где всё можно купить и продать. Эти страшилки казались столь же фальшивыми, сколь и знаменитое утверждение о том, что нынешнее поколение

советских людей будет жить прикоммунизме.

А напрасно. Этот идеологический гвоздь как раз был сделан из стали, а не из говна. На деле вышло ещё страшней, чем в мире чистогана: народ не был подготовлен, люди уже давно забыли, что такое деньги, ибо в СССР денег не было, как и секса. Те жалкие бумажки, которые население ежемесячно получало, чтобы прокормить себя до получения следующей порции, не были деньгами, а лишь обезличенными талонами на продукты. Впрочем, к ним нередко добавляли именные талоны на мясо, муку или хлеб.

На эти деньги нельзя было купить ничего лишнего. Про тот процент населения, который мог себе что-то позволить, я не говорю. Им можно пренебречь.

Иммунитет к деньгам был утерян. А это очень опасно. Бороться с болезнью алчности было нечем. И она погубила всех.

Оказалось, что насытиться можно пищей, зрелищами, водкой, женщинами, путешествиями, шмотками – но не деньгами. Даже когда купить на них уже ничего не нужно, ибо имелось всё – от швейцарских часов до теплоходов – страсть к их накоплению не ослабевала. «Деньги должны делать деньги!» – этот закон продолжал работать.

Советский человек умер, не выдержав удара денежным мешком, и на его месте возник «новый русский» – с деньгами или без, он все равно был «новым русским», потому что деньги определяли его кругозор и поведение, даже если он

был беден, как церковная мышь.

Не осталось почти никого, кто мог бы не думать о деньгах и не поклоняться им. И в этом тоже причина моей вины, ибо я такой же, как все. Единственным оправданием может служить то, что я не нахапал денег, когда это можно было сделать, но и это оправдание звучит как обвинение или насмешка: не сумел стать богатым, лузер? ну и поделом тебе!

И самое печальное, когда деньги управляют наукой и искусством. Потому что истина и красота не могут иметь рыночную стоимость.

Поэтому дельцы от науки и искусства мне особенно неприятны. Ибо они делают деньги на фальсификации истины и красоты. Вот почему сейчас так расцвели паранауки, всяческие суеверия и прорицания, вот почему шарлатаны от искусства имеют бешеные бабки.

Понесло меня... А всё потому, что в кармане шиш и сижу на чужих, хотя и родственных, харчах.

donnickoff

23 июня 20... года

Вчера случилось неожиданное.

Ко мне опять пришел знакомый румяный мент. Я думал, снова предложит девиц, но он, откозыряв, уведомил, что меня приглашают в тот самый особняк со строящимся мраморным бассейном, о котором я уже упоминал. В подтвержде-

ние вручил пригласительный билет в конверте, где было написано:

«Уважаемый Алексей Данилович!

Приглашаю Вас на чаепитие в наше скромное жилище во вторник в пять часов для небольшого делового разговора.

Уважающая Вас,

Полина Демидова».

– Это ещё зачем? – спросил я.

– Не могу знать-с, – ответил мент с интонациями полового в трактире.

Впрочем, он охотно рассказал, что знал. Полина Демидова была вдовой убитого в прошлом году олигарха Юрия Демидова. Его расстреляли в «мерседесе» вместе с охраной на перекрестке среди бела дня. Его вдова с сыном и прислугой безвыездно обитают в коттедже. С ними живет ещё какая-то родственница, типа приживалки, не считая прислуги.

– У них все привозное, – сказал мент. – Продукты, техника, преподаватели для сына. Прислуги семь человек: гувернер, садовник, повар, ключница, уборщица, два водителя. Плюс собственная охрана – две сменные команды, неделя через неделю.

– А чем он занимался – тот, которого убили? – спросил я.

– Не могу знать-с, – повторил мент. – Бизнес. Финансы.

– Финансы поют романсы, – сказал я, вертя в руках при-

глашение.

donnickoff

25 июня 20... года

Я пошел на эту встречу. Любопытство сильнее осторожности. Меня брала досада, что я так легко вычисляем – с фамилией, именем и отчеством. И, вероятно, со всею подноготной.

Участок был окружен трёхметровым глухим забором из серого камня. По верху забора шли три ряда проволоки. Наличие керамических изоляторов на опорах свидетельствовало о том, что провода под напряжением.

В проходной с меня потребовали документы охранники в черной униформе. Записали в журнал. Позвонили кому-то: «Встречайте». Один из них повел меня к особняку хозяев, следуя на два шага сзади и сбоку.

Мы шли по выложенной плиткой дорожке к чуду архитектуры и дизайна, возвышавшемуся на три этажа метрах в ста от проходной. Я оглядывал участок: всюду была красота, отовсюду разило богатством. Садовые скульптуры, фонтаны, зеленые беседки, вдали теннисный корт и здание бассейна с огромными голубыми окнами...

Подшли к особняку. Мрамор, никель, стекло. Сбоку была пристроена церквушка с куполом, увенчанным крестом. Дверь открыл швейцар в ливрее, поклонился, назвал по име-

ни-отчеству. Тоска меня стала снедать, как говорили в старину. Не умею я соответствовать стилю жизни со швейцарцами в ливреях.

Охранник меня сдал и ушёл. А швейцар предложил раздеться, принял куртку, повесил на вешалку, позвонил по телефону, висевшему тут же на стене – естественно, с дизайном под старину.

– Алексей Данилович прибыли-с...

Голос как у дьякона – густой, с церковно-славянским налётом.

Сверху по лестнице уже спускался молодой человек приятного вида, излучавший улыбку. Как выяснилось позже, это был гувернёр, одновременно исполнявший роль дворецкого, что ли. Звали его Пантелеймон. Скорее всего, это был местный псевдоним. Я уже понимал, что хозяевам башку снесло на девятнадцатом веке, дворянском быте и прочей тургеневщине.

Он провел меня наверх к госпоже Демидовой.

Чтобы сэкономить время, я сразу отсылаю к Толстому – там, где он описывает, скажем, быт в усадьбе Болконских или в любой классический русский роман того периода. Чего изволите и кушать подано.

Полина Демидова оказалась сравнительно молодой женщиной, не больше сорока, всячески подчеркивающей в облике и наряде то, что принято называть классической русской женской красотой: открытый лоб, матовая кожа, слож-

ная прическа из длинных русых волос. На ней было широкое домашнее платье, слава Богу, без кринолина.

Мы усадились за столик, который хочется назвать ломберным за его кривые ножки и малость размера, но, вероятно, он называется иначе. Полина принялась объяснять мне цель приглашения.

– Вы, вероятно, удивлены, Алексей Данилович? Я просто привыкла наводить справки о всех новых соседях и выяснила, что вы – физик. Это так?

Я изобразил смущённую улыбку, долженствующую показать, что какой я там физик – так, просто вышел покурить.

– Помилуйте... – произнес я нужное в данном контексте слово.

Слово это понравилось, я почувствовал. Демидова взяла со столика веер слоновой кости и принялась задумчиво его перебирать.

– Вы доктор наук... – напомнила она мне.

Я слегка развел руками. Что поделать, доктор. Утвержден ВАКом.

– Неисповедимы пути... – сказал я и снова попал в цель.

– У меня есть сын. Точнее, он мне пасынок, по возрасту я не могла бы иметь такого взрослого сына. Ему семнадцать...

Ну, в общем, вполне могла бы. Но допустим.

– Мы готовим его в Гарвард... То есть, я готовлю. Такова была воля его отца. К нему приезжают преподаватели. И сейчас нам не хватает репетитора по физике. Не могли бы

вы согласиться, вам это будет удобно, вы рядом...

Вот уж не ожидал я трудоустроиться в этом месте!

— ...о гонораре не беспокойтесь, он втрое превосходит самые высокие расценки, — закончила она, избавляя меня от необходимости упоминать о столь щекотливом вопросе.

— Что ж, извольте... Сочту за честь...

— Вот и прекрасно. Пантелеймон! — слегка повысив голос, позвала Полина.

В дверях возник Пантелеймон.

— Распорядитесь, голубчик, чтобы подали чаю. И позовите всех...

Мы перешли из гостиной в столовую, где стоял огромный овальный стол, покрытый белоснежной скатертью. Полина жестом указала, куда мне садиться, и тут в столовую вошли юноша и увядающая женщина, «чахоточная дева» по Пушкину, только значительно старше. Возможно, она была моей ровесницей, но скрывала это под слоем румян.

Это, как вы понимаете, был сын покойного хозяина Кирилл и дальняя родственница госпожа Глазычева Наина Георгиевна.

Юноша был красив, статен, хорошо физически развит, с дерзким, несколько вызывающим взглядом серых глаз. Волосы длинные, почти до плеч, хорошо ухоженные. Он был в потертых джинсах той степени потертости, что выдавала дорогую фирму, и в белой рубаше. Имя Чайльд Гарольд к нему бы подошло, а также ещё целая череда романтических лите-

ратурных героев.

Мы пожали друг другу руки с коротким кивком.

Чаепитие началось.

Собственно, ничего особо интересного более не произошло. Обстановка была церемонной, мне пришлось полностью исчерпать запас вежливо-аристократических оборотов речи, если это были именно они, в чем я сомневаюсь.

Юноша явно скучал. Зато Полина была в ударе. Она затеяла разговор об Акунине, которого я не читал и едва выводился, поддакивая, потому как обнаружить невежество было невозможно. В сущности, надо было встать и откланяться, зачем ломать эту комедию. Но мне было любопытно – куда ведет этот новый поворот моей порядком изломанной биографии.

Роль Наины была ясна. Она оттеняла великолепии быта несколько анемичными, стертыми от долгого употребления восторгами.

Когда прощались с Кириллом, который по приказу Полины проводил меня вниз к двери, где уже ждал охранник, он сказал мне вдруг:

– Вы же Акунина не читали.

– Не читал, – признался я.

– А зачем врать?

– Я привык соответствовать ситуации. Когда она лжива, я тоже лгу.

Ответ ему, судя по глазам, понравился.

donnickoff

28 июня 20... года

ИНСТРУКЦИЯ № 4

Участникам Системы из Москвы.

Локальная московская акция начнётся по специальному сигналу оповещения, после которого **НЕМЕДЛЕННО** надлежит выполнить эту Инструкцию.

А именно: одеться бомжом – в грязные, поношенные рваные одежды и обувь – захватить с собою любую рухлядь и мусор, либо добыть их из мусорного бака, и явиться таким образом на место дислокации, которое будет указано в спецсигнале.

Там следует составлять композиции (инсталляции) из принесенной рухляди и водить вокруг хороводы (перфомансы).

Ждите спецсигнала!

ЦЕНТР

donnickoff

28 июня 20... года

Всю эту затею со спецсигналом пришлось придумать потому, что до меня все чаще доходили слухи о готовящемся противодействии милиции и упреждающих мероприятиях.

Говорить заранее о месте и времени было нельзя, потому что наверняка это место в нужный час будет блокировано. А мне нужно было строго определённое место.

donnickoff

30 июня 20... года

ИНСТРУКЦИЯ № 5

Спецсигнал.

Выдвигаться немедленно ко входу в Выставочный зал Союза художников у Крымского моста. Снабдить инсталляции рукописными плакатами «Неизвестная Россия».

ЦЕНТР

donnickoff

1 июля 20... года

Послав спецсигнал, я оделся в старые кирзовые сапоги, галифе и толстый, рваный местами свитер. На голову надел облезлую барашковую шапку, найденную на чердаке. Все эти вещи принадлежали бывшему сторожу, который был разжалован ещё прошлой зимой.

Рухлядь для инсталляции я решил найти где-нибудь по пути.

Затем я сел за руль «форда» и выехал с участка. У ворот своего коттеджа меня поджидал Гена Блинов. По его виду я понял, что он никуда не собирается.

– Решил ехать, Данилыч? – спросил он. – А я пас. Ну его на хер. Какие-то непонятные приказы у этого Центра. Вот что ты там будешь делать?

– Песни петь и оттягиваться, – сказал я.

– Пе-есни... – протянул он. – Ну, расскажешь. Успеха.

Я доехал до Садового кольца и припарковался неподалеку от выставочного зала, в одном из переулков. Заглянул в ближайший двор в поисках мусорного бака. Мне повезло, бак нашелся быстро и был полон всяческого хлама. Видно, где-то рядом делали ремонт, поэтому в баке навален был строительный мусор, в котором я нашел забрызганную известью доску и вдобавок выудил сломанные ходики времен моего детства – жестяные, крашеные, с котом,двигающим глазами влево-вправо.

Снарядившись таким образом, я направился к месту сбора, примечая таких же ряженных, как и я, тащивших на себе всякий хлам: ломаные стулья, картонные коробки, корпус телевизора, разбитый унитаз, мешки с какой-то мелочью...

Этих «старьевщиков» было много, и все они стекались ко входу в зал, на просторный участок за чугунной оградой.

Там уже кипело строительство. Интересно, что в толпе ряженных под бомжей участников Системы я заметил и самых натуральных бомжей, с недельной щетиной, невымытых, воло-

сатых. То ли они имели доступ в Интернет и тоже были вас-салами, то ли примкнули за компанию.

Тут и там возникали мусорные композиции из принесённой рухляди, временами они были весьма живописны.

Ржавый холодильник, неизвестно как сюда доставленный, служил постаментом портрету Брежнева, с которого свисали женские застиранные трусы и лифчик. Барышня в ватнике и суконных брюках пририсовывала к портрету краской дополнительные Звезды Героя.

Работа кипела.

Я прошел в центр строительства и увидел натянутый сверху большой транспарант с надписью синей краской на белом фоне: «НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ». Кто мог изготовить этот транспарант за тот час, что я добирался досюда на машине – ума не приложу.

Здесь же суетились фотокорреспонденты, мигая вспышками. В центре этой группы, прямо под транспарантом, стоял человек в синем затасканном халате уборщика и в валенках. На голове его была матросская бескозырка. Примечательно, что халат был надет сверху на вполне добротный дорогой костюм с белой сорочкой и галстуком «бабочка».

Было ему на вид где-то около сорока, плотный, приятный, с небольшой бородкой, в золоченых очках тонкой оправы.

Он явно был здесь начальником, давал указания, как и что строить, одновременно беседуя с журналистами.

Милиции пока было немного и вела она себя на удивле-

ние равнодушно. Но вот к месту действия подъехали два автобуса и из них спешно принялись высаживаться омовцы с резиновыми дубинками.

– Пр-рекратить! – рявкнул в мегафон автобуса чейто начальственный голос. – Р-разойдись!

Человек в бескозырке всплеснул руками и с возгласом «Что же они делают?!» – бегом помчался к автобусу, сопровождаемый журналистами.

Он нырнул туда и через минуту из мегафона раздалась уже более спокойная команда: «Разрешается продолжить инсталляцию выставки. Бойцам омона вернуться в автобусы».

Бойцы нехотя поплелись обратно. Поиграть мускулами не удалось.

Надо сказать, фраза эта меня удивила несказанно. Мой флешмоб пользовался поддержкой местной администрации! Я стоял со своею забрызганной мелом доской в полном недоумении.

Человек в бескозырке, оказавшийся внезапно главным на моем мероприятии, вышел из автобуса и направился обратно к транспаранту. Тут я его узнал по юзерпику. Это был тот самый Фельдман.

Взгляд его упал на меня. Он вдруг сощурился, как бы припоминая, а потом направился ко мне.

– Донников? Алексей Данилович? – приветливо и даже как-то участливо сказал Фельдман.

– Д-да... Откуда вы меня знаете? – я растерялся.

– Давид Фельдман, – он выкинул вперед руку.

Рукопожатие оказалось крепким, мужским.

– Мне бы с вами поговорить, – сказал он. – Пойдемте в мою машину, если вы не возражаете?

Я отбросил доску и жестяные ходики. Они упали на газон, причем ходики улеглись так, что крашенные глаза кота буквально вылезли из орбит, глядя мне вслед диким косым взглядом. Мы направились к машине, на которую Фельдман указал жестом. Журналисты покорной стайкой поплелись за нами. Фельдман оглянулся.

– Потом, потом! Я занят! Снимайте работы, интервьюируйте участников, – отмахнулся он от них.

Мы подошли к «мерседесу». За рулем дремал водитель. Увидев хозяина, встрепенулся и выскочил открыть дверцу.

– Витя, погуляй неподалеку, – сказал ему Фельдман.

Мы расположились в «мерседесе». Фельдман на переднем сиденье вполоборота назад, я на заднем по диагонали.

– Вы, наверное, удивлены? – спросил он. – Просто моя служба безопасности работает лучше МВД. Я вам хотел сказать спасибо за помощь...

– Что вы имеете в виду?

– Ваш флешмоб. Гениально придумано... А что вы имели в виду? Ваш расчет?

Он говорил весело, доброжелательно и явно располагал к себе.

– Акция имела целью показать, что современное искус-

ство произрастает из помойки и само имеет эту природу. И делать его может любой, кто не брезгает рыться в мусорных баках, — сухо сказал я.

— Правильно. Трэш, — кивнул Фельдман. — Одно из главных направлений сейчас. Но продается хорошо.

— А по-моему, это обман публики.

Фельдман засмеялся.

— Публика мечтает, чтобы ее обманули! Она именно за это платит деньги. Но из этого не следует, что это легко сделать. Для этого тоже нужен талант.

— Но это другой талант, — не сдавался я. — Талант манипулятора, обманщика...

Фельдман благодушно кивал.

— ...которому каждый мальчик может бросить в лицо «А король-то голый!»

— Обожаю таких мальчиков! — Фельдман почти взвизгнул в восторге. — Нет, я не педик, — поспешил добавить он, заметив мой настороженный взгляд. — Эти мальчики всегда и создают лучшую рекламу продукту. Они приходят и бубнят свое — «король-то гол, король-то гол». А потом прихожу я и говорю публике: «Взгляните на эти линии, краски, формы. Какая свобода и вместе с тем железная заданность концепта! Обратите внимание на контрапункт, который создает этот кирпич, поставленный на голову Цезарю, эти куры, клюющие рассыпанные по полу гайки... Не правда ли, в инсталляции есть абсолютно новая красота!»

– Но красоты-то нет, – вяло возразил я.

– Кто это знает? Вы? Я? Господь Бог это знает. И только! – Фельдман посерьезнел. – Ваши мальчишки и вы вместе с ними – рабы привычки, вам лень представить себе, что короли могут одеваться не только в парчу, а на голове у них не корона, а кирпич... Впрочем, я вас пригласил сюда совсем не для искусствоведческих дискуссий. Меня интересует ваше изобретение.

– Какое изобретение?

– Ваша информационная пирамида. Я хотел бы её купить.

– Откуда вы об этом знаете?

– Дорогой мой, я сам ваш вассал четвертого уровня. У меня штат айтишников. Они вас вычислили по логам уже после ваших воздушных шариков. Кстати, было красиво, отдаю дань вашему чувству прекрасного... А дальше моя служба безопасности без особого труда разыскала все данные об Алексее Даниловиче Донникове, бывшем заведующем лабораторией, докторе физматнаук, ныне жителе поселка N. Имейте в виду, что то, что сделал я, завтра сделает ФСБ. Как только вы выйдете за рамки чисто художественных акций. А вы за них выйдете, потому что иначе – неинтересно. Поэтому для начала вас нужно спрятать понадежнее. Я имею в виду – спрятать в Интернете. Есть методы работы через прокси-сервера, зарубежные каналы – концов не найдешь. Я это сделаю, чтобы сохранить инкогнито. Такую игрушку я мог бы создать всего за каких-нибудь десятков тысяч. Но вы ав-

тор идеи, а я исповедую строгие правила копирайта. Я хочу заплатить вам за сегодняшнюю рекламную акцию моей выставки, хотя вы и не планировали рекламы, а также приобрести авторские права на информационную систему. Я оцениваю ее в сто тысяч.

Фельдман откинулся на сиденье, внимательно наблюдая за мной.

– И что вы собираетесь с нею делать? – спросил я.

– Не я, а вы, дорогой мой! Вы останетесь Центром, Верховным Модератором, однако будете объявлять акции по моему заказу. Только и всего.

– То есть, вы меня тоже покупаете?

– А как же! Ну зачем мне искать человека, учить его, сажать на ваше место...

Он развел руками, улыбаясь. Очень приятный человек, душевный бизнесмен.

И тут где-то вдалеке грохнуло, будто выстрелили из пушки. Фельдман встрепенулся.

– Что такое?

Он выглянул из машины и крикнул прогуливавшегося невдалеке водителю:

– Витя, поди узнай у омона – что за шум.

Витя бегом направился к автобусу. Фельдман вышел из авто. Осмотрелся. Я последовал за ним. Где-то вдалеке, над Москвой-рекой поднималось к небу облачко черного дыма.

Витя вернулся, доложил, запыхавшись:

– По радиции говорят – взрыв где-то возле Христа Спасителя.

– Едем! – приказал Фельдман. – Садитесь! – скорее, приказал, чем предложил он мне. – Это не могут быть ваши орлы?

– Какие орлы? Помилуйте! – сказал я.

Машина выехала на проспект и взлетела на Крымский мост. Отсюда было видно скопление людей и машин на берегу напротив скульптуры Петра Великого работы Церетели. В самом памятнике было что-то непривычное. Я сначала не понял.

– Смотрите, мачте-то шею свернули! – Фельдман указал на памятник.

Верхние две реи бронзового корабля были сильно наклонены вбок, будто их согнула какая-то нечеловеческая сила.

Фельдман повернулся ко мне с переднего сиденья и спросил в упор:

– Ваша работа?

– Да Господь с вами! При чем тут я!

– Но свалят именно на вас! – сказал он.

Мы подъехали к месту происшествия и Фельдман мигом выяснил у майора милиции, что скульптура была обстреляна из гранатомёта, но неудачно. Взрыв лишь согнул верхнюю часть мачты. Гранатомёт милиция обнаружила на месте преступления, преступники скрылись.

Фельдман пошел смотреть гранатомёт. Из чистого любо-

пытства.

Мне не нужно было смотреть на него. Я его уже видел.

Вернувшись, он сказал:

– Мое коммерческое предложение приостановлено. Посмотрим на последствия этого теракта.

– Я вовсе не думал принимать ваше предложение, – сказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.